





**АЛЬМА ЛИБРЕМ**

**ПСИХОЛОГИЯ  
ПРОКЛЯТИЙ**



**МОСКВА  
2022**

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Л55

Разработка серийного оформления  
*В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

**Либрем, Альма.**  
Л55 Психология проклятий / Альма Либрем. —  
Москва : Эксмо, 2022. — 480 с. — (Академия  
Магии).

ISBN 978-5-04-160501-8

Сагрон — преподаватель, и его предвзятое отношение к студентам сыграло с ним злую шутку. Теперь он по собственной вине связан проклятием с третьекурсницей Котэссой и год должен хранить ей верность... Либо влюбить девушку в себя.

Вот только это не так просто. Котэсса горда и неприступна, и привычные методы на нее не действуют. И хотя из-за Сагрона у нее возникают проблемы с жильем и дополнительные отработки в университете, сдаваться она не собирается.

Чтобы завоевать девичье сердце и спастись от проклятия, своенравному и вспыльчивому Сагрону придется измениться самому. Но что выберет маг: встанет на путь исправления или решится на преступление?..

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160501-8

© Либрем А., текст, 2022  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

## Глава 1

**И**здевательски яркий лучик солнца скользнул сквозь защищенное заклинанием стекло и нагло уперся в преподавательский стол, иногда срываясь в глаза. Блики и всполохи окрасили всю аудиторию невообразимо желтым калейдоскопом, от которого хотелось зажмуриться и срочно бежать куда-то, да вот только — куда?

Скрипели перья — у особо правильных и старомодных студентов, — кто-то писал карандашами. Несколько, из особо богатых семей, даже пользовались чем-то безымянным, но крайне удобным, называя его сами, впрочем, удивительным словом «ручка», — и у них получалось на удивление быстрее. Впрочем, говаривали, подобное изобретение было под силу одним лишь волшебникам. И хотя на территории магического университета находились именно они, отчего-то не спешили использовать полученные при учебе умения по настоящему, только косились на чужие достижения и недовольно, раздраженно вздыхали: мало ли, у кого-то получится лучше, кто-то что-то отберет...

Под потолком нудно скрипели часы: удивительное сочетание шестеренок и какой-то чудной одной-единственной стрелки. При виде солнечного луча стрелка странным образом оживилась и завертелась словно сумасшедшая. Не прошло и мгновения, как часы зако-

лотили, словно сигнал тревоги, оглашая время завершения экзамена.

Студенты даже не пошевелились. Двоечники нагло пытались списывать, те, кто хоть что-то знал, лихорадочно строчили в своих свитках. Все-таки курс хоть и не выпускной, третий, но по этой работе преподаватели могли определить, кому отдать предпочтение, выбирая себе подчиненных — кандидатов на бакалаврскую работу.

Один из преподавателей, высокий маг в странных очках — их стекла сверкали на солнце так, словно были сотворены из драгоценных камней, — даже не содрогнулся, когда забили часы. Он только склонился ниже над бумагами, разложенными перед ним на громадном экзаменационном столе.

Несколько листов уже даже успело прикрыть билеты, какая-то бумажка торчала из журнала успеваемости. Аспирантка, то и дело встряхивающая головой, чтобы длинные пряди темных волос не падали на глаза, поспешно чертила на бумаге карандашные пометки. Перья и чернильница не вызывали у нее совершенно никакого интереса — как и металлические «ручки», то самое изобретение для богатых. Они валялись повсюду, в самом непотребном положении: не в футляре, как полагалось, не перевязанные лентой, без чернил, еще и, кажется, готовые вот-вот упасть со стола.

Преподаватель то и дело пытался вырвать у аспирантки из рук карандаш и внести в тщательно исправляемую формулу заклинания какие-то свои изменения. Она спорила, что-то доказывала, срываясь с шепота на достаточно громкое шипение. Казалось, о тишине они не заботились вовсе, о том, чтобы студенты не вздумали списывать, — тем более.

Мужчина то и дело потирал подбородок, поправлял свои драгоценные очки с магическим виденьем и пы-

тался всмотреться в формулу. Его долговязая и невообразимо худая фигура казалась подобной крюку, когда он вскакивал и нагибался над столом. Обычно когда он выпрямлялся, студенты с хохотом величали его «палкой», но сегодня, в день экзамена, им не было никакого дела до внешности одного из будущих наставников.

Второго преподавателя часы вообще не интересовали, как и наука, — он раздраженно смотрел в потолок, словно кто-то его заставлял маяться здесь с молодыми магами, и периодически насвистывал себе под нос. Ноги он закинул на стол, не озаботившись вытереть ботинки и привести их в надлежащее состояние, руки сложил на груди, а к аспирантке и ее научному руководителю поворачивался с оценивающим взглядом, кажется, исключительно ради того, чтобы в очередной раз отметить — мысленно, правда, — что таким симпатичным девушкам в науке делать нечего.

Аспирантка, кажется, об этом знала. То, тряхнув головой, нарочно задевала волосами его лицо — мужчина фыркнул, словно кот, но с места не сдвигался, — то роняла что-нибудь особенно тяжелое ему на ноги, но ни разу не посмотрела и даже не обратилась к нему. На часы она отреагировала так же равнодушно. До студентов ей уж тем более не было никакого дела.

Но сдалась она, впрочем, первой: повернулась к мужчине и раздраженно кашлянула, показывая, что в курсе, что ее наглым образом рассматривают.

— Раз уж вы отвлеклись от внимательнейшего изучения фасона моего платья, — протянула она мягким, вкрадчивым голосом, — то, может быть, уделите внимание также и часам? Господин профессор, пыхтя над их созданием, вне всяких сомнений, очень потрудился, да и новая система исчисления — это очень

интересно. Но они взбесились от прямого попадания солнца. А значит, совершенно непригодны летом.

— Лень вставать, — равнодушно, абсолютно игнорируя присутствие остальных в комнате, сообщил преподаватель. — Стары уж мои кости стали.

Аспирантка смерила его насмешливым взглядом.

— Несомненно, когда вам исполнится тридцать лет, придется выстраивать могилу — вы ведь рассыплетесь тогда на куски. Когда, напомните мне, сия великолепная дата? Через месяц, посреди лета? Я обязательно напомню господину проректору...

— Вы слишком много себе позволяете. Вы здесь только аспирантка.

— Разумеется, — довольно кивнула она. — Я так и передам профессору Хелене, господин Сагрон.

Мужчина закатил глаза, но встал. Профессор Хелена была опасной женщиной во всех пониманиях этого слова, а уж если рассматривать ее не как начальство, а как разъяренную мать одной излишне настойчивой аспирантки, то беды и вовсе не оберешься. Сагрон все еще искренне верил в то, что сумеет связать свое будущее и успешную карьеру с наукой, а туда без работы в университете путь был заказан. Мадам же Хелена Ольи умела и на место поставить, и загнать в тупик, а самое отвратительное — обладала поразительным умением лишать твердой земли под ногами одним только своим пристальным взглядом. Змея змеей! Вот только научному руководителю своей дочери, Ролану, почему-то благоволила.

Сагрона же — терпеть не могла. Это он чувствовал. Одно «доцент Дэрри» в ее исполнении подразумевало что-то вроде «Еще слово — и будешь хуже аспиранта». И власти у нее на такое хватило бы с головой.

Студенты писали все увереннее и увлеченнее. Сагрон, впрочем, вполне логично подозревал, что причи-



ной тому были выгащенные шпаргалки — «светлячки», как величали их студенты, поминая незлым словом самое сложное и самое запретное заклинание из всего курса боевой магии, до которого им удалось добраться. Вопреки безобидному названию, подобные чары могли взорвать едва ли не половину города, но требовали, соответственно, столько же силы. Резерв, резерв и еще раз резерв — даже если весь третий курс соберется вместе и попытается воспользоваться подобными чарами, у них вряд ли получится достойно, «светлячка» не хватит и на несколько метров в окружности.

Вот если круг архимагов, да все вместе, без всяких щелей в собрании, а еще — использовать концентратор...

Но шпаргалки ничего общего с настоящим «светлячком» не имели, разумеется. Просто студенты, понимая, какой взрыв будет, если на выпускном экзамене что-то подобное обнаружат, обозвали их в честь заклинания лет двадцать назад, и словечко прицепилось. Правда, третий курс сдавал не выпускные экзамены, а обыкновенные, закрывал сессию, но это никого не волновало. «Светлячки» — они всюду «светлячки».

Сагрон все еще хорошо помнил, как сам их писал ночью при свете хиленькой волшебной лампы, и воспоминания, надо сказать, были не самыми приятными: с той поры еще и глаза пришлось лечить, ведь «светлячки» заполнялись мелким-мелким почерком с добавлением волшебства. У Ролана (они учились на одном курсе в старые добрые времена, даже дружили — удивительно, но факт) зрение сильно село, хотя Дэрри очень сомневался в том, что на самом деле его коллега вообще умел заниматься подобным нарушением закона — списыванием и использованием шпаргалок. Ну да и пусть не пользуется, зря, к слову, — потому что

вещь поразительно полезная! И если кто-то из нынешних студентов ленится таковым заниматься — его проблемы, но, по правде, дурак дураком!

Доцент скривился. Часы наладились только после пятого маленького толчка по боковой стенке — магия на них не срабатывала. Их заведующий, профессор Куоки, изобрел сии часы, защищая докторскую диссертацию, и до сих пор вся кафедра боевой магии думала-гадала, каким это образом он умудрился с подобной работой вообще пройти совет. Раздражал Куоки всех без исключения, от студентов до профессора Ольи, но заменить было некем — ни единого больше доктора магических наук у них на кафедре не наблюдалось. Хелена не в счет — быть проректором и одновременно заведующей фактически невозможно и возбраняется законом.

Извилистая стрелка на часах вывернулась, вытянулась вниз и попыталась укусить Сагрона за руку. Он раздраженно скривился и жестом приманил скатерку, сброшенную с экзаменаторского стола — Ролан и его Элеанор, аспирантка, видите ли, не могли работать в подобных условиях.

Скатерка зашипела: Сагрон ей не нравился, особенно благодаря привычке укладывать ноги на стол, не озаботившись предварительно очисткой ботинок или сапог, а заодно и какой-нибудь салфеткой, которую неплохо бы подложить, дабы ничего не запачкать. Но часы скатертью было накрывать более чем удобно — а они, узрев отсутствие солнца, моментально перестроились в спящий режим, прокуковали студентам, что наступила ночь, и захрапели.

— Да чтоб вас! — раздраженно прошипел Дэрри. — И как он защитился?!

Ролан и Элеанор окончательно забыли о приличиях. Их громкие попытки доказать что-то друг другу

перешли уже в крик — правда, крик шепотом, но студенты все равно слышали практически каждое слово. При этом преподаватели столь активно жестикулировали, что становилось страшно за их глаза: не попадут ли, часом, пальцами куда-нибудь в лицо. По крайней мере, у Лантона были его очки, сверхпрочные, а что ж девушка?

Дэрри принялся блуждать между рядами, косясь в листы студентов. Оставалось около получаса работы, и все старательно отвечали на положенные вопросы с таким упорством, что перья скрипели будто бы очумелые.

Сагрон остановился в самом конце экзаменационного кабинета, глядя на низко склонившиеся головы студентов. Прелестная картина — наблюдать за тем, как они работают, особенно учитывая тот факт, что работающими студентов вообще трудно увидеть. Этот третий курс был неплохим, бакалаврскую, наверное, защитят если не все, то хотя бы большинство, но у Сагрона все равно возникали определенные сомнения относительно их умственных способностей.

Зато в данной группе был хоть какой-то намек на дисциплину. На соседней кафедре пророческих искусств, говорят, студенты разбили громадный Шар Прорицателя, который весил, как три толстяка, и к тому же стоил громадную сумму денег. Правда, к счастью, в итоге оказалось, что это был муляж, а настоящий Шар закрыт в кладовой, около которой каждый день дежурит ни о чем не догадывающийся магический патруль, — но сие не имело значения.

Эти вроде бы не пили, больше половины из них были местными, из города или его окрестностей, что для их факультета и кафедры и вовсе казалось удивительным. В университет магии поступало много ино-

городних. По крайней мере, именно они обычно забивали большую часть общежития. Городским, разумеется, позволялось жить у себя дома: учебное заведение открытого типа и бюджетное, ни о каком активном финансировании и речи не шло — потому, если есть шанс избавиться от студента в государственных стенах, следовало им воспользоваться.

Хорошо хоть, без недоборов! Сагрону повезло, он работал на факультете боевой магии и заклинаний, и здесь хотели учиться практически все! Кто сказал, что их выпускникам так легко потом живется? Но сколько бы ни пытались объяснить поступающим, что жизнь боевика опасна и трудна, никто не верил!

И лучше всего на их факультете жилось именно кафедре боевой магии и проклятий, той самой, на которой трудился Сагрон. Ни у кого в университете не было такого количества студентов и такого конкурса при поступлении. Дэрри поражался, как при высокой конкуренции среди учащихся потом оказывалось столько двоечников и лентяев. Зато группы большие.

Кафедры других факультетов с замечательными, редкостными специальностями и специализациями, с преподавателями высшего класса набирали от силы пять-десять студентов. Боевые маги же получали лицензию на пятьдесят человек и каждый год формировали две полнокровные группы. Ну что за люди? Чем вам не лучше изучать магию кулинарии или, скажем, ту же самую природную, такую сложную в исполнении? Но нет! Каждый желает быть боевым магом, каждый желает получать громадную зарплату — а кто из них имеет на то талант?

О том, чтобы обратить внимание на другие университеты, не требующие дара, и речи не шло. Кому надо заниматься математикой, развитием современных

технологий, медициной, кому надо учиться на школьных педагогов, кто хочет трудиться над экономикой и юриспруденцией, если можно идти в маги и ждать, что сверху будет сыпаться серебро-злато?

Веселее было только в университетах искусств. Каждый год будущие писатели и поэты, художники и скульпторы, певцы и танцоры, не имеющие ни капли таланта, осаждали несчастные кафедры, пытались увеличить наборы и побить прошлогодние рекорды, но, к счастью, в основном терпели неудачу и вынуждены были заниматься делом. Многие, правда, все же поступали — и в итоге в городах прибавлялось еще несколько кандидатов в будущие поэтические дворники, танцующие садовники и художественно одаренные чистильщики обуви.

Дэрри покачал головой, отгоняя прочь мысли о предстоящей вступительной кампании. Сначала надо разобраться с этими студентами, а потом уже загадывать на следующих. И у бакалавров скоро начнется период защит, и...

Он вновь попытался избавиться от дурных мыслей и решил выбрать самого старательного студента — на данный момент, разумеется. Обычно именно у таких, что строчат будто бы на пожаре, и прячется шпаргалка. А пользоваться ими столь рьяно не стоит, могли бы хоть продемонстрировать, что задумываются...

Взгляд невольно остановился на старосте. Девушка, казалось, не отрывалась от своего листа. К богатому, как он знал, студентка Арко не относилась, но в руках у нее сейчас была та самая чудная ручка, потому не приходилось отрываться на перо и чернильницу. Сагрон закрыл глаза, представляя себе ровный девичий почерк, в котором вся аккуратность смазывается из-за спешки.

Он подошел поближе и завис у нее над плечом. Где-то здесь должна быть шпаргалка, «светлячок», спрятанный на коленях или в складках одежды... Но она не натянула «списывательное» платье, тот самый фасон, в который обрядилась большая половина девушек, присутствующих в аудитории... Нет, брюки без карманов, не спрячешь, в блузе — может быть, но вряд ли. Туфли? Тоже нет. Хм. Прическа? Но длинными волосами тут могла похвастаться только до мозга костей правильная Элеанор, а у Арко — до плеч... Как там эта прическа называется?

Кажется, как комбинация в картах: каре.

К тому же, сколько Сагрон ни стоял у нее над плечом, медленнее писать девушка не стала, скорее даже напротив. Все быстрее и быстрее, вдобавок не пыталась даже поднять голову и вопросительно на него посмотреть, не спешила задать вопрос, что ему нужно.

Вот-вот должен был зазвенеть колокольчик, извещающий о завершении экзамена — точнее, его письменной части. Сагрон не сдвинулся с места — ждал, когда ей надо будет что-то спрятать. Невозможно идеально выучить боевую магию! Кроме того, он полагал, что девушкам в этой дисциплине делать нечего.

Ольи не в счет. Там и дед, и бабка, потом мать, госпожа Хелена, ее супруг, теперь вот, вне всяких сомнений, Элеанор — в котором поколении они уже трудятся на столичный университет магии? Да, точно так же могла строчить и Элеанор, но в ней-то Сагрон не сомневался: когда она сдавала выпускные, он был аспирантом и присутствовал на экзаменах в качестве ассистента, но точно знал, что Ольи не опустится до списывания на важном предмете. Но Котэсса Арко...

Правда, преподавал у них этот предмет, теорию боевой магии, Ролан. Сагрон же только принимал экза-

мен, потому что официально по нагрузке часы-то числились за ним. И он полагал, что студенты согласятся на любую предложенную оценку, лишь бы только в последний день сессии им никто не морочил голову и не испортил жизнь. Преподаватели сами не собирались в конце лета наслаждаться компанией наглых двоечников, предпочитали обходиться без радикальных мер, потому летом зачетки студентов не переживали такой злостной атаки неудовлетворительных оценок, как бывало зимой. И отчисляли с летней сессии тоже поменьше, да и нельзя сказать, что кого-то в университете это не устраивало.

Зазвенел колокольчик. Зазвенел так, что даже привычный уже Сагрон подпрыгнул на месте — правда, совсем незаметно, — а потом вновь перевел взгляд на Котэссу. А как она хоть учится? То, что староста, Дэрри помнил: девушка приносила ему журнал на подпись, а вот дальше — кто ее знает... Надо бы попросить у Ролана лист с оценками за прошедший год, но так не хочется маяться с этой группой!

Они даже предметами обменялись вне нагрузки вполне добровольно. Ролан ненавидел четвертый курс, он вел там теорию магической относительности, сложный, заковыристый предмет, а группа казалась отвратительной. Щуплого, очкастого доцента они травили. Швырялись мелом, едва ли не плевались в спину, язвительно шипели в спину «Ролочка» и дразнились, как только могли. Увы, но справиться с ними оказалось не под силу даже профессору Куоки, если это, конечно, показатель.

Сагрон согласился. С третьим курсом и боевой магией в нагрузку шла еще и Элеанор Ольи, а быть научным руководителем проректорской дочери — упаси Небеса! Отношения же с четвертым сложились что

надо! Не приходилось даже кричать на надоедливых студентов, обычно хватало прицельно брошенной в толпу колкости. Они поедали оскорбление с легкостью, заглатывали наживку, а потом смотрели в глаза наивно-наивно и откровенно надеялись на то, что доцент Дэрри пожертвует что с барского плеча...

— Сдаем работы, — уверенно провозгласил он, отбрасывая воспоминания. Экзамен все равно принимает лектор, даже если он не вел ни единого часа у студентов и понятия не имеет, кто из них как учится. Он и по имени-то только эту Котэссу и знает — во-первых, почему-то цепляет слух имя, а во-вторых, она у него магией заверяла журнал перед сдачей на самом последнем занятии, когда пришлось явиться пред ясные очи третьего курса и сказать, что экзамен принимать будет он.

Арко почему-то не спешила дрожать. Он простоял над нею до самого того момента, как девушка собрала все листы, на которых писала, сложила их по порядку и, встав, отправилась к столу — не пихать же преподавателю в руки, когда все остальные сформировали на столе неаккуратную стопку?

Сагрон бросил быстрый взгляд на ее место — но нет, ни одного «светлячка». Вообще ничего — только лист бумаги неиспользованный да ручка эта ее. Ну и карандаш сбоку лежит, потому что мало ли — чернила закончатся, не перезаправлять же в срочном порядке волшебством, да еще и при всех.

Он пробормотал себе под нос привычное заклинание, осмотрел магическим взором — пусто! Слово этот «светлячок» под землю провалился, будто и не было его! Что шпаргалки на самом деле могло не быть, Сагрон не допускал: слишком быстро и самоуверенно девушка писала ответ на вопрос. Неужели учила? Интересно, какой там ей билет попался?



— Теперь все вон, буду вызывать по одному.

Он вернулся за преподавательский стол, немного отодвинул Элеанор, но она даже не заметила мужскую ладонь, скользнувшую по ее спине, — вероятно, по той причине, что слишком увлеклась собственной диссертацией, фрагмент которой сейчас и втолковывала Ролану. Ну и пусть — по крайней мере мешать не будут.

— Список вызова появится на двери. Марш отсюда!

Студенты шумной толпой высыпали в коридор, забрав с собой личные вещи. Несколько шпаргалок валялось на полу, но Сагрон только сжег их раздраженным щелчком пальцев — глаза б его не видели эту ерунду! Настолько неумелые, глупые студенты, что не способны даже спрятать элементарную шпаргалку! Грош им цена, таким старателям, — пусть и на глаза бы лучше не показывались, коль неумехи.

Маги! И это называется будущие боевые маги... Он предпочитал не рассуждать ни с кем относительно колоссальных наборов, среди которых настоящих, действительно достойных студентов раз-два и обчелся. Нет толку — никто не станет его слушать, а так можно немного расслабиться на время распределения ставок: есть студенты, значит, есть и нагрузка.

Хорошо, что нагрузкой занимается не Куоки, а кто-то поадекватнее...

Дэрри посмотрел на бумаги и щелкнул пальцами — появился список студентов. Он пробежался по нему быстрым взглядом, а после, подцепив кончиками пальцев фамилию Котэссы, запихнул ее в самый конец — возможно, «светлячок» был скрыт особой магией, так она обязательно развеется. Долгодействующую тут нельзя ставить, поймают, а вот обновлять минутную — пожалуйста, но та за время экзаменации всех остальных сойдет на нет.

— Входите! — громогласно заявил он, и список застыл перед глазами ожидающих по ту сторону двери студентов.

Очередь медленно потянулась вперед.

\* \* \*

Доцент Сагрон (тот самый, что должен был у них преподавать, а на деле не провел со своей группой ни единого дня, такой нагловатый на вид и тут же покрививший сердца женской половины группы) ставил баллы по результатам письменного экзамена. Котэсса изначально заметила свою фамилию в самом-самом конце огненного списка, поэтому, устроившись в углу, пыталась отвлечься от бесконечного прокручивания билета в голове. Огненные буквы то и дело полыхали перед глазами — она видела, как быстро редет толпа. Последний день сессии, последний экзамен — никакой особой проблемы, сдали и забыли, но дурное предчувствие, засевшее в ее сознании, почему-то ну никак не желало отступить или исчезать куда-то.

Она вытянула руку, чувствуя, как магия волной проходит под кожей, — это обычно помогало. Конечно, не всегда, но все же так Котэсса чувствовала себя более уверенно. Она учила, более того, отлично знала предмет — неужели стоит переживать, когда всем легко ставят нормальные оценки?

Когда очередной двоечник из хвоста списка вылетел из кабинета, сияя от счастья и демонстрируя всем тройку в своей зачетке, наконец-то пришел ее черед. Котэсса переступила порог вполне уверенно: во-первых, доцент Ролан прекрасно ее знал и высоко оценивал уровень ее знаний, во-вторых, Элеанор всегда подчеркивала ее умения на лабораторных работах.

А Сагрону придется доказывать прямо на месте — если вдруг у него возникнут сомнения.

— Значит, староста Арко, — протянул Дэрри, развалившись на своем стуле все так же вальяжно, как и в остальное время прохождения экзамена. Котэссу это раздражало. Да, последний день сессии, смирись с жарой, вытерпи его наглость и уйди. Но замечание так и вертелось на языке.

Элеанор и Ролан не поднимали головы. Они настолько увлеклись своими расчетами, что, казалось, не были способны услышать даже взрыв в самом центре университета. Впрочем, возможно, это и оправданно: всего через полгода у Ольи защита, а значит, сейчас все время уходит на то, чтобы довести до ума полученные результаты.

Сагрон смотрел на Котэссу. Молча — казалось, время на комментарии и весь словарный запас он исчерпал уже в первом своем изречении. Ей отчаянно хотелось уйти — но она напомнила себе, что нельзя, и все так же молча смотрела на него.

Доцент Дэрри раздраженно тряхнул головой. Довольно длинные и неестественно светлые волосы (результат, наверное, колдовства, может быть, неудачный откат, хотя они и не казались седыми) почему-то придавали ему немного мистический и, пожалуй, излишне загадочный вид. Котэссе это не нравилось едва ли не больше вальяжности и наглости в каждом жесте. Она даже невольно потянулась к собственным вечно мешающим прядям ненавистного каре — но отдернула руку, выпрямилась и вновь взглянула Сагрону в глаза, заставляя себя смотреть пристально и уверенно.

— Четыре, — наконец-то протянул он. — Зачетку — и свободна.

Котэсса задохнулась от возмущения. Четыре?! Она знала предмет лучше всех в группе, и прямо у нее перед носом несколько хорошистов и один троечник, отчаянно списывающие весь экзамен, вылетели с пятеркой.

— Почему четыре?

Дэрри удивленно посмотрел на нее. Холодные и неожиданно темные глаза зло прищурились, и он криво усмехнулся.

\* \* \*

— Что значит — почему четыре? — переспросил Сагрон, кажется выражая свое кошмарное возмущение по тому поводу, что она посмела возразить.

Котэсса не сдвинулась с места, будто бы ей и на самом деле не все равно, сколько поставят. Сагрону это не понравилось — ему казалось, что всем студентам абсолютно наплевать на оценки, а тут стоит, требует что-то, задает вопросы...

— Я уверена, что там все написано верно, — твердо промолвила девушка. — И вопрос раскрыт максимально полно, по крайней мере в пределах университетской программы. Почему четыре?

— Ты списывала, что так уверена?

— Нет. — Котэсса сложила руки на груди и твердо посмотрела на него. — Не списывала. Учила. И поэтому точно знаю, что все написано верно. И требую соответствующую оценку.

— Пятерку следует подтвердить практическими умениями.

— Вы остальных тоже просили об этом?

— Это имеет значение?

Котэсса не отреагировала. Она решительно смотрела на него, кажется, с уверенностью, что балл свой

должна получить — и именно сегодня, и, вообще, отказы не принимаются. Сагрону внезапно стало дурно от этой настойчивости: Ролан твердо сказал, что на четвертом курсе преподавать ему придется, а контакт со старостой обязан быть у каждого преподавателя. Если же тут такая староста, если она ведет себя до такой степени нагло и требует, вымогает оценки, то чем все закончится в итоге?

Он наконец-то встал, подался даже немного вперед, глядя прямо в ее глаза, и усмехнулся.

— Хорошо. Лучшая тренировка — это выполнить на практике то, что описано в теории на этом листике. Например, вдохнуть силу в заклинание, как здесь расписано.

— А разве это входит в программу третьего курса?

В голосе Котэссы слышалось некое сомнение, даже испуг, и Дэрри усмехнулся. Один этот факт уже почему-то доставил ему некоторого рода удовольствие: значит, он сумел поставить ее на место. Точно в том и была вся суть экзамена, доказать, что эта девочка, вся такая примерная и чем-то напоминающая Элеанор, списывала, самым наглым образом переписала со своего «светлячка» на лист бумаги все, что только смогла, а теперь пытается заставить его поставить пятерку.

— А разве только программой должны ограничивать знания мага? — немного удивленно полюбопытствовал он. — Как по мне — нет, отнюдь. Посему, если вы претендуете на пять, если полагаете, что у вас есть знания выше пределов, то стоит продемонстрировать этот уровень. Но если его на самом деле нет, то зачем же...

— Я готова. — Она выпрямила спину и вытянула ладонь, позволяя магии скользнуть от головы до кончиков пальцев. — Произнесите заклинание, и моя магия его оживит.

Сагрон опешил. Он был уверен в том, что девушка все-таки отступится и не станет соглашаться на безумный для третьего курса эксперимент. Это даже не магистратура! Аспирантура — да, может быть. Знание, достойное воистину архимагов, сейчас преподносилось в теории, но не в практике.

— Я б согласился на четверку, — небрежно отметил он.

— Я не трусиха, — покачала головой девушка. — И к тому же это в привычке у мужчин — отступить.

Он сжал зубы. Дерзит! Но поспорить было невозможно — сам только что обнажил свою слабость, сообщил ей об этом, а теперь чего ждет, помилования?

В голове крутилось множество заклинаний. Дать простое и успокоиться — нет, это не устраивало Сагрона. Сложное? Чтобы поставить ее на место? Но все же следует выбрать что-то неразрушительное, такое, чтобы, если вдруг у девушки все-таки получится вдохнуть хотя бы немного силы в заклинание, она не смогла ничего испортить.

Он был уже почти готов выдать достойную этой ситуации формулу, когда сила сорвалась с рук Котэссы. Удивленно вскинула голову Элеанор, как раз прочитавшая — без вложения магии — заклинание, над которым и работала в диссертации. Сагрон содрогнулся, повернулся — казалось, время замерло и для него, и для Котэссы, с чьих пальцев видимой золотой струйкой лилась сила. А потом в грудь и его, и Ролана ударил тонкий золотистый луч. Мужчины синхронно содрогнулись, отшатнулись от студентки, а Элеанор так и замерла, открыв рот, будто бы собиралась сказать что-то, но теперь не могла выдать из себя ни единого слова.

И вдруг, словно в подтверждение того, что день сегодня отвратительный, аспирантка весело рассмеялась.

— Элеанор, — прошипел Сагрон, — скажи мне, родная, над каким заклинанием ты работаешь в своей диссертации?

— О, доцент Дэрри! — сквозь смех выдавила она, отчасти пародируя собственную мать с этим ее надменным, повелительным тоном. — Вы не поверите, проклятия разряда Верности!

Котэсса у Сагрона за спиной не сдержала тихое фырканье.

## Глава 2

Зачетка Котэссы так и валялась открытая на столе. Сагрон смотрел на нее отчасти ошеломленно, то и дело встряхивая головой, — но от этого, казалось, жалости в девушке не прибавилось ни на грош. Элеанор и вовсе довольно улыбалась, когда переводила на него взгляд, хотя каждый раз, когда косилась на своего научного руководителя, тяжело вздыхала — его-то ей было жаль! Нет, в принципе, Дэрри даже и не надеялся на милость со стороны дочери профессора Ольи, но Элеанор могла хотя бы сделать вид, будто бы сожалеет, что так получилось.

Но нет — она только хмыкнула, сказала, что не следовало гонять студентку по заклинаниям, не входящим в программу, и сообщила, что проклятие обладает целым рядом любопытных свойств.

— Оно смертельное? — хриловатым голосом любопытствовал Ролан, делая вид, словно у него во всем этом исключительно научный интерес. — Ведь ты так и не закончила рассказ, нас... прервали.

Сагрон уже сто раз мысленно послал его куда подальше с подбором мягких и нежных формулировок.

Если б этот... доцент находил другое время для общения со своими аспирантками, то было бы намного легче — по крайней мере уж точно обошлось без горы проклятий на его, Дэрри, бедную голову!

— Проклятие само по себе довольно безобидное, — сообщила Элеанор, но уже по ее веселой улыбке стало ясно, что это совсем не так. — Если не нарушать ряд элементарных правил, то, в принципе, его на себе можно и не ощутить. Итак, — она скрестила руки на груди, — я все еще не уверена в том, что оно подействовало сразу на двоих, но на одного из вас упало точно. — Сейчас ее тон так напоминал материнский, что Сагрону искренне захотелось ее придушить.

Профессор Ольи преподавала и у него, и у Ролана, да вообще, у кого только эта гримза не преподавала! Дэрри доселе помнил ее надменный холодный взгляд — не изменившийся с той поры, как они перешли в разряд коллег, — ее раздраженный приказной тон и студентов, разбегающихся в разные стороны, стоило только госпоже Хелене выйти в коридор. А Куоки! Тогда она не была ни доктором, ни профессором, ни проректором. Преподаватель как преподаватель! Но стоило только ей бросить из-под очков в тонкой оправе быстрый змеиный взгляд, как Куоки, будто бы тот петух, начинал хорохориться и любопытствовать, что он может ради нее сделать. Сагрон видел: дочь у нее точно такая же, и голосом похожа, и внешне, и поведение — точь-в-точь как у матушки. А ведь это не меняется! Не переучишь. И он подозревал уже, сколь несчастен будет тот мужчина, что на такой вот командирше женится. Подобные женщины не исправляются, что б ты с ними ни делал. Сагрон полагал, что пытаться и не стоит.



Потому, наверное, и студентка Арко ему не понравилась с первого взгляда. Было в ней что-то такое, как в Хелене или в Элеанор, что-то горделивое. Эти командирские нотки в голосе, гордо вскинутая голова, быстрые шаги и пристальный взгляд, от которого любому мужчине становилось не по себе, будь он хоть сто раз и умен, и начитан, и даже лучший из лучших. Мужские достоинства их не волновали — никогда подобную женщину не остановить ни силой, ни обаянием, если на самом деле она решила сражаться, а не просто притворяется. Притворяться же они, змеи, умели — хотя какие змеи? Кошки!

— Нельзя ли поскорее огласить список запрещенных действий? — раздраженно спросил он. — Потому что мне уже пора. Я сегодня спешу.

На самом деле Сагрон отлично знал, что его дождутся, когда б он ни явился, но уйти все равно хотелось. Тратить лишнее время на университет, набивший уже давно оскомину, — кому оно надо? Национальный Университет Магии — это только звучит громко и красиво, а если переходить ближе к делу, то столько лишней работы на голову падает — прямо страх...

— Ну что же... — Элеанор перешла к доске, взяла кусочек волшебного мела, но тут же отложила его. — Итак, поскольку проклятие из разряда Верности — то бишь подвид любовных, — жизни оно на самом деле не грозит. Сначала стоит огласить негативные последствия. Спектр самый разнообразный. От позеленений кожи и взращивания дополнительных, — она загибала пальцы, — хвостов, шерсти, рогов и подобных схожих по строению отростков, ну и, разумеется, полная потеря мужской силы. Действие проклятия — год. После оно теряет силу. Но если успеть нарушить за этот год прописанные постулаты, то, увы, придется ждать с момента нарушения новый год.

— Ничего смертельного, — отметил Ролан. — В любом случае, если в том, что предписывается на этот год, нет ничего криминального...

Сагрон с ним в этом плане был не согласен. Конечно, к Лантону тут никаких претензий: студентки за ним не бегают, не кокетничают, ведут себя поразительно прилично, как для современных девушек, да и вообще... Но вот самого Дэрри меньше всего устраивала потеря мужской силы. И сегодня, и через год, и вообще когда угодно. Он ведь не семидесятилетний профессор Куоки, в конце концов, да и тот строит молоденьким студенткам глазки.

Впрочем, Сагрону ничего строить не приходилось. Студентки прилипали и сами — он давно уже привык к их повышенному вниманию, периодами старался игнорировать, периодами — даже отвечал взаимностью, справедливо полагая, что ничего страшного в этом нет. Они, во-первых, совершеннолетние, во-вторых, вполне адекватные, в-третьих, это всегда — по обоюдному согласию. Да и так или иначе Сагрон предпочитал включать голову и никогда даже не приближаться к тем девицам, что учились лично у него, — потому как после проблем на занятиях не оберешься. Они будут полагать, что могут ничего не учить, а получают свои баллы просто так, за заслуги в постели. Дэрри предпочитал не смешивать работу и чувства — по крайней мере настолько, насколько получалось.

Но мало ли какие там нужны действия... Каждый вечер летать на метле, плясать под луной или, может быть, как в одном из странных новоизобретенных проклятий, стоять каждый день по семь минут на голове? В любом случае должно быть что-то неприятное и не так уж и просто выполнимое, иначе толку с него?

Впрочем, проклятия Верности в основном заключались в «не лгать супруге» и так далее. Супруги у Сагрона не было. Не лгать Котэссе? Без проблем. Он бы с удовольствием высказал ей все, что про нее сию секунду думает, только вряд ли от этого у девушки улучшится настроение.

— Итак, — продолжила Элеанор, — для того чтобы не испытать на себе негативное действие проклятия, нужно просто не изменять проклятийнику или проклятийнице. В данном случае у нас Котэсса. — Она подмигнула девушке.

— Не изменять? — уточнил Сагрон. — Не предавать и не подставлять под вражеские стрелы? Хм. Войны у нас вроде бы как нет...

— Это ведь из разряда любовных, — как ни в чем не бывало пожала плечами Элеанор. — Сами понимаете, доцент Сагрон. Потому и под изменой предполагается любовная. Грубо говоря — никаких физических контактов с противоположным полом, подразумевающих сексуальную направленность. Хотя, я думаю, не только с противоположным. Год без любовных отношений — даже поцелуев, хотя за них проклятие подразумевает меньшее наказание и считает только те, которые можно относить к страстным. Вы можете поцеловать в щеку матушку или даже коллегу, скажем, из благодарности, но при этом никакого сексуального подтекста. Спустя год все пройдет. Конечно, насколько я понимаю, измена фактически невозможна — потому как проклятие успеет среагировать еще на подлете, но... — Элеанор откашлялась. — Лично я бы поддержалась, а так...

Ролан с облегчением выдохнул.

— Ничего сверхъестественного, — промолвил он. — Проклятия, заставляющие ежедневно плясать су-

масшедшие танцы на центральной площади без одежды или даже запрещающие лгать кому-либо, разумеется, куда страшнее.

Сагрон закашлялся. Новость его, мягко говоря, ого-рошила. Любовные отношения? Верность? Кому, студентке, что даром ему не нужна, студентке, что прокля-ла его исключительно по ошибке?

— И, — прошипел он, — как сие снимается?

— Ну... — аспирантка усмехнулась и накрутила иг-риво на палец длинную прядь темных волос, словно пытаясь разозлить Сагрона еще больше.

Он отвернулся, пытаясь сконцентрироваться на чем-то другом, но на глаза то и дело попадалась не ме-нее ненавистная Котэсса.

— Разумеется, есть способ — это искренние чувст-ва, исходящие от того, кто проклинал. Но не расстраи-вайтесь. С проклинающей любые отношения любов-ного характера не запрещаются.

Арко покраснела, будто бы та свекла, и зло скрести-ла руки на груди, всем своим видом показывая, что на подобное не настроена.

— А снимается оно, сами понимаете, либо через год, либо — если вас полностью простят.

— Котэсса. — Сагрон повернулся к студентке. — Ты сильно на меня злишься?

— Прощения на словах недостаточно, — покача-ла головой Элеанор. — К тому же подобное проклятие полагает, что может сняться исключительно даром от девушки самого ценного, что у нее есть. Если этого ценного у нее нет — чаще всего в браке, разумеется, логична подобная ситуация, — то ждать придется год.

Сагрон открыл было рот, желая спросить что-то, но почему-то запнулся. Самодовольный взгляд со сто-роны аспирантки Ольи его раздражал пуще прежне-

го — хотелось немедленно уйти и больше в глаза не видеть наглости и поразительной надменности, так и полыхавшей в Элеанор. Котэсса же встала — она заняла ближайшее свободное место, когда Элеанор начала свой рассказ, — и потянулась за своей зачеткой.

— Мне пора, — промолвила она. — И я выполнила ваше задание. Поставьте, будьте добры, балл, и я уйду.

— Элеанор, — проигнорировав ее, перевел взгляд на Ольи Сагрон. — Как еще это снимается?

— Никак, — пожала плечами аспирантка. — И я б на вашем месте выполнила столь настойчивую просьбу, если вы, разумеется, не желаете лишних проблем.

— А тебя, Ролан, — он перевел взгляд на коллегу, — это нисколечко не волнует? Или, может быть, ты надеешься на благосклонность студентки?

Котэсса негромко кашлянула, словно напоминая о том, что она тоже присутствует здесь и подобное хамство терпеть не собирается.

— Будьте добры, — промолвила хриловато она, — просто поставьте мне балл в зачетку. Мне пора идти.

Он подтянул синеватую книжечку к себе, прищелкнул пальцами — перо, подарочное, тут же появилось у него в руке — и черкнул несколько ненужных, совершенно лишних, казалось, строк. Сначала хотелось поставить ей тройку — за неповиновение и вообще за все хорошее. Но Сагрон, перехватив быстрый девичий взгляд, стремительным росчерком поставил малопонятную и тяжело расшифровываемую пятерку. Котэсса схватила зачетку, даже не заглянув в нее, и, снова посмотрев на Сагрона, бросилась к двери. По правде, ее следовало бы остановить, но Дэрри даже и не дернулся: в конце концов, пусть нервничает дальше. Нет такого проклятия, которое нельзя снять. И это не может зависеть от какой-то жалкой студентки.

— Я очень сомневаюсь, — протянул Сагрон, стоило только двери за нею закрыться, — что проклятие вообще сработало. Разве проклятия Верности сами по своей структуре не направлены исключительно на одного человека?

— Ты не можешь гарантировать, что действие упало на меня, — покачал головой Ролан. — В конце концов, я сидел дальше.

— К Элеанор — ближе. Так что относительно проклятия? Может ли оно сработать на обоих одновременно? — Сагрон поднялся. — Я спешу, право слово, разберемся с этим побыстрее.

— Я уверена, — Элеанор устроилась прямо на преподавательском столе и теперь с вызовом смотрела на него, — что та, к которой вы спешите, будет просто в восторге от подобной новости и перспективы ночи, проведенной с мужчиной, у которого торчат из головы рога или вырос какой-нибудь крысиный хвост. А что уж говорить о том, если сработают наказания далее по списку? Не сомневаюсь, проклятие сумеет отомстить за каждый лишний поцелуй!

— Это не ваше дело, аспирантка Ольи.

— Почему же? — хитро любопытствовала она. — Ведь редко какому аспиранту выпадает замечательный шанс протестировать собственное проклятие! А мне вот как повезло: теперь смогу записать все побочные эффекты...

— Каким заклинанием это снимается?

Элеанор переглянулась с Роланом — и засмеялись теперь они уже вдвоем. Почему-то от такой реакции Сагрон захотелось попросту взвыть. Поразительное смешение радикальной наглости с бесцеремонностью, подобное поведение с их стороны является самым настоящим свинством! Но Элеанор — разработчик этого проклятия

или его исследователь, а значит, у нее есть прекрасный шанс рассказать ему еще и о том, как от него избавиться. Разумеется, если она в аспирантуре уже больше двух лет, то изучила свою тему вдоль и поперек. В этом-то как раз Сагрон не сомневался ни капли. В конце концов, Элеанор и вправду дочь своей матери, а значит, цепляется за знания так, как никто другой. Им ведь мало быть просто первыми, надо опередить всех настолько, чтобы до спины не добросить ни единым камнем. Умно, конечно же, но Дэрри все равно это раздражало, равно как, впрочем, большую часть мужчин в университете магии. Но НУМ — то еще заведение, в нем могут кричать, но ничего толком не сделать, и точно так же вышло и с Ольи. Профессор Хелена стала проректором беспрепятственно, равно так же ее дочь, не реагируя на завистливые и раздраженные взгляды окружающих, спокойно и гордо заполучила желанное место в аспирантуре и даже достойного научного руководителя.

И неужели ей не жаль Ролана? Он ведь ее любимый преподаватель, если не считать драгоценную мамочку, она должна была попытаться помочь хотя бы ему, да лишь по той причине, что без научного руководителя защититься нормально не получится, кем бы ни была твоя мать.

Но Ролан, впрочем, ни капельки не злился. Ему явно было абсолютно наплевать на женское внимание и прочее в том же роде. Сагрон не сомневался: все, о чем сейчас думал Лантон, это о том, как именно сработало проклятие и какие еще особенности следует высветить в диссертации. Личная жизнь у него не складывалась, по крайней мере собственная, а Сагронова интересовала меньше всего на свете.

— Я повторюся, — уверенно заявила Элеанор, от волнения даже прикусив нижнюю губу. — Это прокля-

тие можно снять только одним способом. Потому, доцент Дэрри, я б на вашем месте сейчас просто гналась бы за Котэссой, а не сидела здесь с таким самоуверенным видом.

— А как же ты, Ролан? — Сагрон перевел взгляд на коллегу, все еще до конца не веря в серьезность сложившейся ситуации. — Впрочем, для тебя — какой-то там год... В любом случае ты исключительно из научного интереса будешь искать противодействие. Скорее всего, вы уже этим занимались, а значит, что-то да есть.

— Сагрон, — серьезно промолвил Ролан, — я независим от женского внимания — и если проклятие и ударило только по кому-то одному из нас, то только по тебе, гарантирую. Можешь проверить. В конце концов, у меня полно работы, и я пережду этот год, если понадобится. Но отмени, ради Небес, свое свидание — оно тебе сейчас ну совсем не ко времени.

Дэрри встал, чувствуя, как вскипает в груди раздражение.

— Оно могло сработать только на тебе с такой же вероятностью, как и только на мне, — уверенно заявил он, обращаясь к Лантону. — А значит, я могу не беспокоиться. Котэсса стояла ближе ко мне, Элеанор — ближе к тебе, луч ударил в грудь обоим...

— Поэтому, — отметил Ролан, — я б не стал отрицать возможности, что в моем случае сработало замыкание на Элеанор.

А вот в его случае — и в этом Сагрон мог не сомневаться даже без язвительного продолжения фразы, — именно на оскорбленную, раздраженную Котэссу, которая откровенно мечтала его проклясть. Ведь Ролан не сделал ей ничего плохого, весь год старательно учил, а Дэрри, малознакомый и явно заносчивый пре-



подаватель (таковым его считали многие, а он не особо и возражал), так настоятельно пытался поставить четверку, грозил даже неудовлетворительной оценкой, и все потому, что не поверил ей с первого взгляда. Можно было, в конце концов, допустить, что девочка вполне честно, безо всякой задней мысли писала сама. А вдруг она действительно все это выучила?

Чем больше Сагрон думал о сложившейся ситуации, тем больше сходился с самим собой, тем самым, раздраженным и скептически настроенным, на мысли, что Котэсса прокляла именно его и именно так, как поведала Элеанор.

— И в любом случае, — продолжил Ролан, — как бы нас ни прокляли, я советую тебе беспокоиться в первую очередь о себе. Повторюсь, год не срок для человека, который увлечен скорее наукой, чем соблазнением всех кого не лень.

— Я не соблазняю всех... — Сагрон запнулся. Слухи о нем ходили по университету не самые приятные, по крайней мере в этом плане, и ему вдруг подумалось, что, может быть, из них и исходила ненависть со стороны профессора Хелены. Ничего противозаконного, из-за чего можно вылететь с работы, но и ничего такого, что вызывало бы хоть капельку ее понимания.

— Точно нет обратного заклинания? — совсем уж обреченно спросил он. — И вы уверены, что, к примеру, на меня не сработала волна от Элеанор? Не хотелось бы идти общаться с этой Котэссой по столь пустяковому поводу...

— Все равно будете у них преподавать, доцент Сагрон. — Элеанор соскользнула со стола. — Но если вы уж так настаиваете — так и быть, мы можем провести маленький следственный эксперимент.

Она подошла вплотную и быстро, раздраженно кривясь, поцеловала его в губы. Элеанор была красивой девушкой — красивой и недоступной, а еще с отвратительнейшим дурным характером, — и добиться от такой даже подобного поцелуя казалось просто невообразимой сложностью.

Наверное, когда-нибудь Сагрон даже гордился бы тем, что ему удалось, но сейчас, стоило только отреагировать на невинное прикосновение ее губ, стоило только податься вперед, как кожа просто невыносимо зачесалась.

Он отпрянул, вытянул руку — жжение становилось невозможным, — но на коже не было ни единого следа.

— Возможно, — предположила, довольно усмехаясь, Элеанор, — это все последствия какой-нибудь вашей врожденной болезни, но я бы все-таки приняла это за реакцию на проклятие. В конце концов, вы уже достаточно всего натворили, чтобы не получить прощения от Котэссы даже через сто лет: вы так унизили бедную девочку, пытаясь поставить ей эту четверку...

— Проклятие, — уверенно отрезал Сагрон, — сработать не могло! Проклятия Верности должны все-таки как-нибудь обосновываться и...

Элеанор не ответила. Он только зло передернул плечами и вышел из кабинета, громко хлопнув за собой дверью. Наверное, Элеанор смеялась ему в спину, но Сагрон предпочитал этого попросту не слышать. В конце концов, почешется рука и перестанет — ничего такого. Может быть, у него на что-то, да хоть на ту же семейку Ольи, пошла аллергическая реакция. А что, в этом нет ничего столь радикально неожиданного, как может показаться со стороны, семейка отвратительная! Или Элеанор наслала какое-то крат-

ковременное проклятие, которое можно снять универсальной формулой, лишь бы только проучить. Она всегда терпеть его не могла, с чего же сегодня воспылать милостью и любовью? Да и Ролан не казался расстроенным — а ведь он все-таки нормальный мужчина и должен бы понимать, что год далеко не такой уж и короткий срок. А если говорить об этом в форме принуждения, то и вовсе возникало однозначное отвращение к одной только концепции проклятия, которое кто угодно может наложить на кого угодно. Тем более на двоих одновременно!

Но упрямство потихоньку отступало. Жжение не проходило, и Сагрону не хотелось даже и думать о том, как с ним бороться. Он попробовал и универсальную формулу, и даже несколько специфических, а потом использовал одну из тех, что изобретал в юности, когда и сам учился на втором-третьем курсе, самую безотказную, ту, что не подвела его еще ни разу за долгие годы использования. Но реакции не последовало, и Дэрри просто приказал себе не реагировать. Почешется и перестанет, не в первый раз. Он участвовал и в магических сражениях, и ранили его, так что надоедливый зуд на одной руке и там, куда ударил золотистый луч, — это всего лишь неприятность откровенно временного характера.

...В преподавательской было, к счастью, тихо. Сагрон заставил себя засесть за оформление ведомостей. Если закончить сегодня, то можно не возвращаться к этому вопросу и не являться в университет ни завтра, ни послезавтра, так что он предполагал, что сможет освободиться от надоедливой работы поскорее. Видеться ни с кем с кафедры не хотелось, но тишина, царившая в коридорах родного университета, обещала одиночество.

Главное, чтобы погреться не зашла секретарь зельеваров. Кафедра зельеварения располагалась в самых холодных аудиториях на первом этаже, потому что ингредиенты могли пострадать от жары. О том, что пострадать они могли и от холода, никто не подумал, в частности, ректор тоже. Зачем думать о проблемах факультета, на котором вечный недобор вопреки всему великолепию специальности? Верно, все мечтают быть именно боевыми магами, а развивать науку и заниматься толковым делом не для них. Сагрон не то чтобы был против хорошей ситуации на родной кафедре, но подобное отношение раздражало просто неизменно.

Но ему повезло. Секретарь — жутко громкая, похожая на жабу женщина, — к нему в гости не зашла, а он так увлекся работой над документацией, что очнулся лишь тогда, когда мягкие руки легли ему на плечи.

Дэрри обернулся — за спиной маячила одна из двоичниц третьего курса, из той самой проклятой группы, где училась и Котэсса. На экзамен она — равно как и еще два парня и три девушки — не явилась, ибо не была допущена, и Сагрон уже «предвкушал» веселую последнюю двадцатку лета, когда ему придется заниматься очередной грустной и надоедливой работой, разбираться с двоичниками и тратить на них и лето, и бесценные дни своей жизни.

— Я вас внимательно слушаю, — сухо промолвил Сагрон.

У девицы еще было время — до завтрашнего вечера — сдать лабораторные работы Элеанор и прийти сюда разбираться с экзаменом, но Дэрри отлично знал, что аспирантка просто так ничего не засчитает. А закрывать глаза на пропуски и на хамское поведение, засчитывать баллы и рисовать с небес трой-

ку там, где стыдно ставить даже единицу, он не соби-  
рался.

Но двоечница неожиданно показалась ему доволь-  
но привлекательной. А может, хотелось доказать, что  
он не просто так игнорировал планы на вечер, проде-  
монстрировать самому себе, что можно ничего и не  
отменять. Улыбалась она тоже весьма соблазнительно.

— Я просто подумала, — придвигаясь поближе, сооб-  
щила девушка, — что можно было бы как-нибудь закрыть  
мою двойку... Понимаете, это единственный предмет, по  
которому у меня сложилась подобная ситуация...

Руки скользнули по его шее, куда-то к воротнику ру-  
башки, по пуговицам... И внезапно обожгли, словно пла-  
менем. Ожог — невидимый, к счастью, — распростра-  
нялся по коже так быстро, что Сагрон едва сдержался,  
дабы не ударить ничего не подозревающую девицу.

Проклятие! Всего мгновение назад он уже почти за-  
был о нем, а теперь оно напоминало о себе с новой си-  
лой. Кожа горела, словно ее только что прижгли клей-  
мом. Перед глазами все попросту подпрыгивало и шло  
черными пятнами.

И помочь разобраться с проклятием, раз уж и Элеа-  
нор была бессильна в этом плане, могло только одно.

— Хорошо, — отодвигая от себя двоечницу, про-  
молвил Сагрон. — Положим, я могу поставить трой-  
ку, закрыв глаза на ваши прогулы и отсутствие лабо-  
раторных работ. Но я ведь должен получить кое-что  
взамен...

Она вдохновенно закивала, и пальцы потянулись к  
шнуровке платья, словно девушка намеревалась пря-  
мо тут предстать в чем мать родила, но Дэрри лишь  
поспешно выдохнул, надеясь, что не ослепнет, увидев  
вдруг что-то запрещеннее голых рук:

— Мне нужен адрес вашей старосты, Котэссы Арко.

— И это будет стоить мне тройки? — полюбопытствовала двоечница.

Сагрон даже не пытался вспомнить ее имя — оно успешно утонуло где-то в списке таких же непотребных и отвратительных студентов. В НУМе, а уж тем более у них на кафедре, подобного добра всегда хватало с головой, и Сагрон не сомневался, что дальше будет еще веселее.

— Да, — согласно кивнул он. — Я поставлю тройку в обмен на адрес и очень надеюсь, что это вас устроит. Ведь устроит?

Она уверенно кивнула. Разумеется, девушка даже не собиралась отказываться от предложения. Сагрон, узрев пустую зачетку, осознал, что обойти ей предстоит еще огромное количество преподавателей, а сама девушка на грани вылета. Сколько у них предметов в сессии? Восемь? И из них стоял только один, и тот — обыкновенный, недифференцированный зачет! А больше трех двоек в сессии даже в их лояльном университете было однозначным поводом для исключения, тут уж и юлить не получится — некуда просто увиливать от суровых правил.

Понимая, что еще троих она может и не уговорить, Сагрон безо всяких угрызений совести поставил незаслуженную тройку. Бумажку же из рук девушки, на которой она поспешно нацарапала адрес Котэссы, он вырвал практически с жадностью, с таким сиянием в глазах, что она аж содрогнулась и удивленно, даже возмущенно покосилась на преподавателя.

— Сдалась вам эта Арко... — покачала головой двоечница. — Я могу идти?

— Иди-иди! — отмахнулся Сагрон.

Жжение становилось все сильнее — и он, быстро написав на чистом листе бумаги записку, подбросил

его в воздух. Лист рассыпался на мелкие золотистые искорки и вскоре растаял в воздухе окончательно, грозясь свалиться прямо перед носом у адресата. Дэрри кивнул, хмыкнул себе под нос, понимая, что девушка, которой он отправил письмо подобного содержания, скорее всего, завтра явится выяснять отношения. Или сегодня, но он не планировал пребывать дома.

Но размышлять о свидании сейчас некогда. Его престелная спутница этого вечера была отнюдь не любовью всей жизни, поэтому Сагрон как-то даже и не задумывался о ней. Сначала надо разобраться с Котэссой и с проклятием, а потом уже бегать по женщинам.

Он посмотрел на бумажку с адресом, который оставила двоюродная сестра, имени которой он так и не вспомнил, а на зачетке не посмотрел, перевел взгляд на ведомость и пробормотал заклинание интеграции. Напротив одной из совершенно незнакомых фамилий мигом появилась тройка, оценка, которую он не проставил. Заклинание отобрало немного магических сил, но Сагрон не обратил на это практически никакого внимания. Напротив, даже был рад, что быстротечная слабость подарила ему минутную свободу от жжения, отвратительного и, казалось, непрерывного.

Еще раз кивнув самому себе, он бросил быстрый взгляд в маленькое зеркальце — проверил, не позеленела ли, часом, кожа, — и направился прочь из университета.

## Глава 3

Котэссе казалось, что она может сию секунду превратиться в какой-то кипящий котел над огнем — а после взорваться, словно тот «светлячок», не шпаргалка, нет, а настоящее могучее волшебство, способное ра-

зорвать все на кусочки в радиусе нескольких сотен метров, а то и снести с лица Земли целый город, если потрудится полноценный круг архимагов. Но она не была архимагом, а сконцентрированный в теле заряд силы даже в момент смерти не вышел бы таким сильным, чтобы хватило хотя бы на несколько метров извержения. Словом, девушка не планировала даже и пытаться. Ей хотелось верить, что она окажется дома и немного придет в себя, а потом соберет вещи и отправится к родителям.

Сейчас она жила у тетки. Та вообще-то промышляла сдачей домика студентам на неопределенное время. И летом тоже, кстати, потому что практически не бывала дома, а так — хотя бы какая-то копейка падала ей в карман. Но племянницу пустила практически бесплатно — за вычетом, разумеется, определенных услуг магического характера, за которые Котэсса с нее в любом случае не брала бы денег.

Подобное сотрудничество было выгодно им обоим. Котэссе не пришлось тесниться в общежитии, в одной комнате с тремя незнакомыми девушками, а тетке — переживать за то, что некому присмотреть за ее домом. Комнат там несколько, и девушка занимала только одну. Вторую — ее однокурсница, Кэтрин Хэмум. Та платила деньги, но зато пользовалась не в пример большей свободой, приводила к себе друзей и игнорировала раздраженные взгляды Тэссы.

Разумеется, иногда хотелось предложить тетке денег и занять полноценно весь дом, но у Котэссы были небогатые родители, они и в столицу-то отпустили дочь только при условии бесплатного жилища, и даже большую часть собственной маленькой стипендии Котэссы вынуждена была отправлять матери и отцу. Не то чтобы она за все это время дождалась от них хотя



бы одного благодарственного слова, но утешала себя тем, что родители просто строги и желают, дабы она выбилась в люди и научилась самостоятельно обеспечивать собственную жизнь. И вообще — нечего заглядывать в чужие карманы, даже если они родительские, и в чужие рты в поиске благодарности.

Но повышенная стипендия ей была нужна как воздух, иначе Тэссе и вовсе не на что будет жить! И одного только намека от этого отвратительного доцента Сагрона с головой хватило на то, чтобы вывести ее из себя. Потому что она знала, она учила, она совершенно не заслуживала, чтобы о нее вытирали ноги и смели смотреть с подобным раздражением! Четыре! Подумать только!

Они всей группой собирались отметить окончание учебного года — так нет же, и на это преподаватель наложил свою лапу. Из-за проклятия, в котором Котэсса была совершенно невиновна, она вынужденно задержалась почти на полчаса — а однокурсники оставили ей записку, что пошли праздновать сами и ее не ждут, ведь она, наверное, надолго и совершенно не расстроится, верно? Увы, но расстроилась, даже обиделась, потому что вложила в вечеринку силы, организовывала все, а теперь ей заявили, что просто решили не ждать.

Тэсса толкнула дверь, надеясь, что магия не сорвется с цепи и ничего не разобьет. На самом деле она была уверена, что этого не случится, ведь из-за испытания Сагрона выдохлась достаточно, чтобы не суметь наколдовать даже элементарный цветок. О мести или чем-то подобном она даже не думала — отлично понимала, что преподаватели замечательно справятся и без нее. У каждого проклятия есть формула противодействия, и, разумеется, с нею могла разобраться и

Элеанор — уж точно никто не потребует участия какой-то там ученицы.

Но в доме что-то было не так. Котэсса буквально видела несоответствия: она, когда уходила, не оставляла в коридоре никаких вещей, а сейчас на комодѣ валялась книга, да и вообще, что это за...

— Вы что здесь делаете?! — возмущенно воскликнула она, узрев в кресле, прямо в центре собственной комнаты, доцента Сагрона собственной персоной — бесконечно самоуверенного, наглого и смотревшего на нее так, словно пытается оценить свою собственность.

Все мысли о спокойствии и о том, что узрит она преподавателя исключительно на первой учебной неделе или когда там у них будут занятия, моментально обратились прахом. Доцент смотрел на нее нагло, с вызовом, кажется совершенно не волнуясь о том, что проник на чужую территорию, и в тонких пальцах прокручивал какую-то бумажку — неизвестного происхождения. Котэсса знала, что обрывков у нее в доме никогда не было, а Хэмум вообще крайне негативно относилась к бумагопроизводству, так что ни на миг не засомневалась: принес с собой.

В этот миг Котэсса ненавидела его сильнее всего на свете. Невообразимая наглость — явиться к ней в дом, не предупредив, не постучав в дверь, устроиться в ее любимом — ну пусть не любимом, но единственном кресле, — а теперь смотреть так, словно она ему что-то должна.

— Добрый вечер, — поприветствовал ее Сагрон. — Надеюсь, не помешал? У меня очень срочное дело.

— Помешали, — уверенно ответила Котэсса. — И, надеюсь, вас не оскорбит мое предложение немедленно покинуть дом и больше не приходить сюда? Как вы вообще здесь оказались?

— Дверь была незаперта, — пожал плечами мужчина. — Но разве это имеет какое-то значение? Я относительно проклятия.

— Сдается мне, всего несколько часов назад вы совершенно в него не верили.

Он нахмурился и закрыл глаза, словно пытался отмахнуться от подобного предположения.

\* \* \*

В проклятие Сагрон мог не верить столько, сколько ему будет угодно, но кожу невыносимо жгло, а он не хотел целый год страдать от подобной боли. В конце концов, какое-то проклятие не могло испортить человеку жизнь с такой радикальной быстротой! Сагрону отчаянно хотелось в это поверить. Да и его можно снять — и он даже знал как, а способ избавления от надоедливого магического воздействия сейчас стоял прямо перед ним, возмущенный и покрасневший.

Со стороны Котэсса и вправду напоминала всклокоченного кота. Ее русые волосы из приличной прически моментально превратились в некое гнездо, будто бы среагировали на магию, которой девушка воспользовалась на экзамене. Светло-карие глаза раздражены, но в то же время с исключительно научным возбуждением сверкали, и девушка всем своим видом буквально излучала неподчинение. Сагрон полагал, что избавиться от проклятия будет просто, но сейчас, следя за каждым ее движением, за каждым жестом, начал считать, что, может быть, все не так уж и легко, как ему изначально казалось.

— Я хочу избавиться от проклятия, — уверенно промолвил он.

— Избавляйтесь.

— Я за этим и пришел, — пожал плечами мужчина. — К тому же Элеанор меня просветила — сказала, что другого способа, кроме того, что был описан, не существует, поэтому...

Котэсса нахмурилась. Поняла она, кажется, моментально — по крайней мере, судя по поджатым губам и возмущению, вспыхнувшему в ее взгляде. Дэрри встал, подошел ближе, и девушка сердито скрестила руки на груди, отступая от него на шаг.

— Я умею колдовать, — напомнила она, — и знаю немало боевых заклинаний. Только прикоснитесь ко мне — и вылетите отсюда пулей! И, к слову, я уверена, что проклятие подразумевает наказание за попытки избавиться от него нелегально!

Сагрон вздохнул. Он и сам был в этом уверен, но полагал, что проблем не возникнет. Девушки всегда достаточно легко сдавались — если не после первой улыбки, то уже на третий день знакомства. Впрочем, Котэсса была не в его вкусе — слишком много от профессора Ольи, хоть они совсем даже не родственницы, да и примесь возмущенно-раздраженной Элеанор...

— Насколько можно верить тому, что наговорила мне Элеанор, — начал он, — избавиться от побочного эффекта...

— А вы что, уже кого-то себе нашли, доцент Сагрон?

Он помрачнел. В голосе чувствовался вызов — хотя девушка, казалось, и не догадывалась, что именно она здесь хозяйка положения.

— Это имеет значение?

— Разумеется. В таком случае я посоветую отправиться к той, благодаря которой у вас проявились рога, хвосты и жабые позеленение, и пусть эта дама и залечивает все, что может!

Жар становился невыносимым. Словно железную палицу прижали к груди, на руку надели раскаленную перчатку — и все это до такой степени болезненно впивалось в кожу, что Сагрон уже начинал пошатываться от неотступной, самоуверенной боли, полагающей, очевидно, что на его теле ей самое место.

— Ты прекрасно знаешь, что только сама можешь мне помочь, — покачал головой он. — И вполне возможно, если быстро расправиться с этой неприятностью...

Он замолчал, подошел к Котэссе вплотную — и с облегчением осознал, что жжение немного унялось, когда его руки легли ей на плечи, а девушка не вздумала вырваться.

— Хм. Вас поцеловали?

Он, недоумевая, кивнул. Котэсса, подавшись вперед, быстро коснулась его губ и в тот же миг отскочила обратно.

Жжение утихло. Казалось, и зуда никакого больше нет — все вернулось на круги своя. Теперь он вновь чувствовал себя точно так же, как и несколько часов назад, еще до наложения проклятия, разве что больше не собирался рисковать.

— Если верить Элеанор, — промолвила Котэсса, — то через год это пройдет. Но для подобного рода проклятий наказание может идти по нарастающей, так что я не советовала бы рисковать так сильно собственным здоровьем и дальше. Приятного вечера.

Она открыла перед ним дверь комнаты и указала куда-то в сторону коридора, явно предлагая немедленно уйти. Мужчина замер, ошеломленно хохотнув, словно не желал воспринимать отказ. Он посмотрел на нее еще раз, но Котэсса оставалась непреклонна. Складывалось такое впечатление, будто бы для нее вдруг де-

лом принципа стало банально вытолкать его за дверь и не иметь больше никакого дела.

— Что это означает? — мягким голосом полюбопытствовал он, почти что нежно улыбаясь, так, словно Котэсса попробовала пошутить.

— У вас что-нибудь болит? — участливо полюбопытствовала она.

— Нет.

— В таком случае не смею вас задерживать. Я помогла всем, чем могла помочь, теперь у вас нет ни жжения, ни чесотки, ни что там еще могло быть, раз вы так быстро ко мне прибежали. Нет видимых симптомов. Значит, вам действительно помогло. А всем остальным я заниматься попросту не планирую. Идите. Идите же!

Сагрон отрицательно покачал головой.

— Мы можем расправиться с этим проклятием раз и навсегда, и я больше не стану мешать тебе, — отметил он, склонив голову набок и посмотрев на девушку так, словно пришло время ей попросту запрыгать от радости. — Или...

Котэсса ускользнула куда-то из комнаты, оставив мужчину одного, а спустя буквально несколько мгновений вернулась, но уже с веником в руках. Держала она его с таким угрожающим выражением лица, что казалось, посягательство на сие средство уборки комнат от нежелательного мусора и мужчин могло стоить Сагрону жизни, не говоря уж обо всем остальном. Он, разумеется, не попятился и испуга не испытал, но все же его самоуверенности как-то поубавилось.

— Ну мы ведь можем просто поговорить? — предположил он. — О том, как избавиться от этого лишнего груза. Я совершенно уверен, что ты не собиралась меня проклинать.

— Мне уже хочется, господин доцент.

— Котэсса...

Называть ее по имени было отчего-то странно. Напрашивалось привычное «студентка Арко», но Дэрри подумалось вдруг, что от такого обращения она только разозлится пуще прежнего, а тогда уж точно безо всяких сомнений выставит его за дверь. А так, по крайней мере, у него есть кое-какие шансы успокоить ее и уладить все мирно.

— Нам просто надо поговорить.

— Говорите. — Она вновь качнула веником и покосилась на дверь. — Ну же. Чего вы молчите? Я вас очень внимательно слушаю.

— Элеанор сказала, что это единственный способ избавиться от проклятия, — вздохнул Сагрон. — Разумеется...

— Ваша свобода достаточно дорого для меня стоит. Слишком дорого — чтобы я посмела пойти на подобные условия сделки, — уверенно ответила девушка. — Поэтому вам лучше уйти. Разговаривать нам ровным счетом не о чем, а вы к тому же мне мешаете. Мне пора собирать вещи.

— Собирать вещи? Ты куда-то уезжаешь?

— А разве для вас это имеет какое-либо значение?

Сагрон помрачнел. Он полагал, что согласия от Котэссы с первой же минуты встречи ему ждать не следует, к тому же на экзамене действительно как-то не очень хорошо вышло, но... Только-только загоралось лето, а если она уедет, если уедет надолго, то со всеми последствиями проклятия, даже совершенно случайными, сражаться ему придется самому, расплачиваясь ожогами и повсеместным позеленением за каждый поцелуй. В конце концов, с какой-то стороны она все же виновата в случившемся, а значит, просто так сбежать не может!

Направляясь сюда, Дэрри был совершенно уверен в том, что девушка и сама не против загладить свою вину. И будь на ее месте кто-либо другой, пожалуй, не возникло бы никакой проблемы в избавлении от проклятия...

Если не считать тот заковыристый пункт о девичьей чести. Сагрон, правда, подозревал, что Элеанор его банально придумала, но мало ли? А все прочие третьекурсницы наверняка и силу бы в чужое заклинание не сумели вложить, все-таки материал это даже не для бакалавра и не для магистра. Можно предположить, что Котэссе просто повезло, но как же не вовремя! Сколько б теперь отдал Сагрон, чтобы просто подписать ее зачетку! Поставить туда пятерку, заслуженную уже за теорию, и отпустить девушку на все четыре стороны прежде, чем Элеанор вздумает зачитывать вслух тексты новоизобретенных проклятий...

— Имеет, — наконец-то промолвил он. — Столица — место, в котором всегда, с каждым шагом открываются неведомые перспективы. Увы, но с такой же гордостью и уверенностью выразиться о других местах нашей страны я все же не могу. К тому же...

— К тому же вы боитесь, что вас опять кто-нибудь обнимет, проклятие взбунтуется, а меня не будет рядом? — сердито спросила она. — Позвольте все-таки мне собрать вещи и уехать. Я могу опоздать из-за вашего вторжения.

\* \* \*

Опоздать Котэсса на самом деле не могла, потому что выезжать ей надо было только завтра вечером. Относительно радостной встречи с родителями ее тоже терзали смутные сомнения, но Сагрону об этом знать необязательно, а тетушка на лето предпочитала



сдавать комнаты подороже, а не тратить их бесплатно на племянницу. Она и относительно учебного времени уже начинала ворчать, заявляла, что на выходных Котэсса могла и не занимать ценную площадь, а уж что говорить о периоде жары и толпе гостей столы, прибывающих сюда, лишь бы только поглупее растерять все заработанное за предыдущий год.

— Уходите, — уверенно повторила Тэсса. — Мне бы не хотелось вас выгонять, но придется это сделать, если не пожелаете уйти самостоятельно.

Сагрон раздраженно покачал головой, словно пытаясь продемонстрировать ей, что не намерен покидать дом, но девушка была настроена радикально. Не увидев совершенно никакого сдвига с его стороны, она просто прошла мимо и, вынув из старого полуразваленного шкафа сумку, принялась складывать в нее вещи.

Книги на дно укладывались как-то особенно тяжело. Котэсса, разумеется, пользовалась заклинанием, облегчающим вес поклажи, и расширяла сумку внутри, насколько возможно, воруя немного места у тех, кому оно вовсе не нужно. Но сегодня каждый том полагал, что должен выскользнуть на свободу и ударить ее по лбу, а только потом, и то совсем даже не мирно, улечься обратно в сумку.

Она раздраженно шмыгнула носом, прогоняя нежеланную грусть. Сегодня день и так не ладился, с самого-самого утра, а пристальный взгляд Сагрона — хотя Котэсса не была уверена даже в том, что он все еще находится в комнате, — выводил из себя и вызывал странную дрожь в руках. Хотелось требовать, чтобы мужчина ушел, ушел как можно скорее, но Арко решила, что ее невозмутимость будет лучшим оружием.

Еще одна книга раздраженно вырвалась из рук, укусила, причем довольно болезненно, за запястье, описала пируэт у девушки над головой и рухнула куда-то за спину. Котэсса поспешно обернулась, намереваясь ее поднять и запихнуть в сумку вопреки желанию литературного издания, но вместо этого столкнулась с Сагронном — и застыла, чувствуя на себе пристальный взгляд его темных глаз. Даже слишком темных, подумалось вдруг, если брать в расчет светлый оттенок волос...

— Даже книжки, — голос мужчины теперь звучал хриловато и совсем уж интимно, — против столь наглого побега. Может быть, их владелице тоже стоит об этом задуматься? Что плохого в том, чтобы задержаться в городе всего на несколько часов или дней?

Котэсса ошеломленно моргнула. Никто и никогда прежде не разговаривал с нею в подобном тоне — не было ни вкрадчивых ноток, ни этого странного бархатистого оттенка...

Одумалась она быстро — стоило только руке мужчины скользнуть на талию — и оттолкнула его от себя, возмущенно краснея.

— Что вы себе позволяете?! — возмутилась девушка. — Вон! Вон отсюда!

— Ну зачем так грубо...

Она сердито швырнула следующую книгу прямо на дно сумки, и та, учуяв гнев владелицы, моментально притихла и больше не пыталась вырваться и вылететь. Тэсса же сделала угрожающий шаг вперед, потянувшись за веником, отброшенным совсем недавно.

— Если вы намереваетесь за мой счет решать свои проблемы, — промолвила она, — то, пожалуйста, уж будьте уверены — вам попалась не та девушка. Вас проводить или вы наконец-то уйдете сами, господин доцент?

Сагрон тоже шагнул вперед, явно надеясь хотя бы немного ее успокоить, но Котэсса только возмущенно выставила веник, и мелкие веточки и соломинки оставили на мужском носу тонкую, практически незаметную царапинку.

\*\*\*

Котэсса выглядела до того угрожающе, что Дэрри ну никак не мог избавиться от ассоциации с кошкой, до предела возмущенной, шипящей на неожиданно появившуюся в ее доме бесстрашную, безмерно наглую мышь. Нет, он не чувствовал себя слабой мышкой или даже крысой, но сам факт!

Узрев, что мужчина до сих пор не сдвинулся с места, Котэсса раздраженно трянула веником прямо у него перед глазами. Сагрон отступил еще на шаг — и она, видимо довольствуясь этой крохотной победой, наконец-то опустила свое невообразимо грозное оружие и шумно выдохнула, вероятно обозначая, что отчасти успокоилась.

— Неужели, — начал Дэрри, — в правила хорошего тона не входит предложить гостю выпить чаю или кофе?

Ему хотелось намекнуть на вино, но в этом доме вряд ли можно было отыскать что-то покрепче воды.

Котэсса сжала зубы.

— А разве в правила хорошего тона, — промолвила она, — не входит сначала жениться, а потом делать девушке непристойные предложения?

— Ты хочешь за меня замуж?

— Отнюдь!

Сагрон удивленно склонил голову набок. Иррациональность ее мышления должна была обосновывать-

ся хотя бы какой-то элементарной логикой, но он все никак не мог отыскать то самое логическое звено — упустил, терял, возвращался вновь и каждый раз оставался ни с чем.

Котэсса скрестила руки на груди и, кажется, ждала от него какой-то реакции. Сагрон молчал — да и что он, по правде, мог сказать, сталкиваясь со столь возмущенным взглядом, в котором так и сияли все невысказанные оскорбления в его адрес? И не то чтобы все это было необоснованным, нет, в чем-то он мог даже понять Котэссу, но своя рубашка, как говорится, ближе к телу, и, соответственно, думать о ней и о том, что, может быть, обидел, не получалось совершенно.

— Так что насчет чая? — спросил он наконец. — И мирного разговора? Ни к чему не обязывающего? Что в этом такого сложного?

— Я спешу, господин Сагрон, — отозвалась Котэсса. — Покиньте мой дом, пожалуйста. У меня нет времени.

— Повышенная стипендия тебе так важна? — Вместо того чтобы уйти, он подступил на шаг ближе. — Должны быть причины. Почему? Ты не походишь на девушку, готовую на все ради денег.

— Деньги нужны всем, — возразила Арко. — Кому-то больше, кому-то меньше. И я тоже предпочитаю питаться материальной пищей, а не духовной — ее, знаете ли, бывает мало.

— Четверка не помешала бы обыкновенной стипендии.

— Это не ваше дело.

— Теперь — мое, — хмыкнул он. — Я понятия не имею, что будет творить это проклятие, если с тобой что-то случится. И в обе ли стороны действует Верность, или как там оно называется.

— Не переживайте, срок у вас, Элеанор сказала, всего год.

Котэсса попыталась пройти мимо, но он схватил ее за плечи — все еще надеясь переубедить.

\* \* \*

Она столкнула его руки, словно что-то мешающее, и вернулась к своим вещам, твердо намереваясь сегодня же отправиться домой, хотя билеты были на завтрашний день. Впрочем, откуда знать, как сложится судьба? Котэсса уже давно зареклась ничего не загадывать и не ждать от жизни многого.

Сагрон не уходил. Собиралась Арко молча — в конце концов, она действительно не могла банально выставить преподавателя за дверь, даже если очень хотелось это сделать. Потому, поджав губы, делала вид, будто бы ничего не замечает, даже как он отступил к выходу, словно разрываясь между возможностью оставить ее одну или все-таки задержаться на несколько минут.

Когда Котэсса наконец-то покончила со сбором вещей, была уверена, что Дэрри давно уже покинул ее дом, но, обернувшись, узрела, что мужчина все еще стоит на пороге. Деваться было некуда — она и вправду не представляла, чем еще сможет себя занять, прежде чем он оставит ее в покое.

— Вы ничего не добьетесь, — промолвила уверенно. — Даже если вращаетесь здесь в землю, тот способ, что позволяет снять проклятие, меня не устраивает.

— Возможно, сейчас мне действительно не светит ничего, кроме отказа, — послушно согласился Сагрон. — Но я предпочитаю мыслить в перспективе. Год слишком длинный. А ты, Котэсса...

— А что я?

— Весьма привлекательная девушка, — хмыкнул он. — Но с ужасным характером. Ни на миг не удивлюсь, если узнаю, что именно по причине излишней самодостаточности и требований к противоположному полу ты испытываешь определенные трудности с поиском второй половины.

Она помрачнела. Вот уж в это точно не имел права влезать ни один мужчина, даже если она его прокляла.

— Послушайте, вы и так уже много наговорили. Если вас смущают девушки, не считающие себя придатком к мужчине...

— Меня как раз они совершенно не смущают.

Котэсса надеялась, что сумеет проскользнуть мимо, — но он поймал ее за запястье, притянул к себе и не выпустил, даже когда она дернулась и мысленно призвала веник.

— Если вы полагаете, — прошипела она, — что от применения силы может спасти проклятие, то я вас, очевидно, очень разочарую!

Сагрон пропустил это возмущенное восклицание мимо ушей, наклоняясь к ней и прикасаясь к губам. Котэсса дернулась — но успокоилась спустя мгновение. На поцелуй она, впрочем, не ответила, так и замерла, будто бы та статуя, в его объятиях. И не знала, что Дэрни предпочитал не замечать ее гневный взгляд, потому что одно только прикосновение к ее губам отзывалось неожиданным теплом там, где недавно пламенем жгли невидимые клейма. Ему, конечно, могло просто показаться, но Сагрон чувствовал магию, чувствовал, даже когда наконец-то выпустил ее из объятий и мягко-мягко улыбнулся, неожиданно и для себя самого тоже.

Арко знала, что покраснела — загорелись щеки, — но ни слова не проронила, только молча хватала ртом воздух, будто бы выброшенная на мель несчастная рыба.

— Все в порядке? — полюбопытствовал Дэрри. — Я не хотел тебя испугать. — Он лучезарно улыбнулся. — Правда.

— Я не испугалась. Я просто подбираю проклятие, которое отвадило бы вас от этого дома раз и навсегда!

— Можно на ты, — милостиво разрешил Сагрон. — Но проклятие — это плохо. Мне хватает предыдущего. Может быть, договоримся мирно?

— Исключительно в том случае, если вы незамедлительно покинете мой дом!

Он пожал плечами и протянул:

— К сожалению, уехать этим вечером не получится. Увы, но деканату нужна помощь. Доцент Ойтко жаждет увидеть тебя послезавтра, чтобы заполнить определенные таблицы... Она попросила передать меня эту информацию...

Котэсса отлично понимала, что это ложь. И была права: Дэрри выдумывал на ходу, осознавая, что с Литорией еще придется поговорить, дабы придумать для студентки задание — но этого добра у них в деканате всегда найдется.

— ...хотя, разумеется, может и сама послать магическое сообщение. Просто мы подумали, что так быстрее, лично, а я все равно собирался к тебе сегодня, так что — почему бы и нет?

— Вы лжете!

— Ну, — усмехнулся Сагрон, — нехорошо обвинять преподавателя во лжи. Приходи, Котэсса. Я понимаю, наступило лето, каникулы, идет только конец первой двадцатки дней, но... Что поделать, правда?

— Я не собираюсь вам верить, — возмущенно отозвалась Котэсса. — И если вы это выдумали исключительно ради собственной выгоды!..

Сагрон лишь равнодушно пожал плечами. Он наконец-то выпустил ее из объятий, а последние фразы говорил до того серьезным тоном, что казалось, нельзя передать словами всей важности поручения от Ойтко. И самое отвратительное, что Арко не сомневалась: даже если ничего такого на самом деле не случилось, она все равно придет послезавтра в университет, отложит все свои планы и будет выполнять бесполезное, никому не нужное дело, которое решили скинуть именно на старосту — самую обязательную студентку на всем факультете.

— В любом случае, — ядовито сообщила Котэсса, — вас там быть не должно, у вас ведь завтра последний рабочий день. Поэтому — прощайте, господин доцент. Встретимся в следующем учебном году!

Он хотел что-то еще возразить, но на сей раз девушка решительно вытолкала его за порог и захлопнула за ним дверь, твердо намереваясь продемонстрировать: хватит! Больше ни единого кривого слова от Сагрона она слышать не собиралась, а уж тем более поддаваться на его лживые заверения — а в том, что правды в них нет ни на грош, Котэсса даже не сомневалась.

Стоило только прогнать доцента из собственного дома, как Котэсса вдруг подумала: а если тетушка, возвращающаяся завтра из своей деревни, возжелает выставить ее за дверь? Или потребует денег — поставит ту же цену, по которой тут проживают все остальные? Арко понимала, что таких денег у нее нет, да и никогда не будет, если и дальше продолжать все почти отдавать родителям. Но ведь они бедствуют, у них нет денег ни на лекарства, ни на достойную жизнь. Да, мама никогда не хотела работать, но разве это повод оставлять ее голодной? А если сократят отца? Какое она право имеет тратить деньги на себя, на жизнь в тетушкином



доме, если это приведет к окончательному краху всех планов, всех надежд ее любимой семьи?

Да еще и Сагрон... Она, право слово, не хотела его проклинать, но теперь губы пылали, а перед глазами прыгали какие-то яркие точки. Неужели проклятие Элеанор распространяется и на ее рассудок тоже? Хотелось отыскать аспирантку, задать вопросы, но умом-то Котэсса понимала: побочные эффекты проклятия до сих пор не изучены, она и Дэрри — первые, кто на себе его испытает. А значит, скорее уж она откроет Элеанор что-то новое, чем та добавит какой-нибудь теории.

Да гори она огнем, эта Сагронова верность! Да, за ним увивались некоторые ее знакомые девушки, но сама Котэсса — никогда. Она и подумать не могла, что этот экзамен привяжет к ней доцента Дэрри. Нет, разумеется, его жаль, но разбивать свою судьбу... Сам виноват!

Она шумно выдохнула воздух и остановилась напротив упакованных вещей. Покачала головой — хотя следовало бы разобрать их, лучше не рисковать. Тетушка может и не оценить ее порыв остаться в университете, предстоящий разговор будет однозначно неприятным. Да и родители ждут — следует отправить им письмо, чтобы не надеялись увидеть блудную дочь совсем-совсем скоро. А с письмом она пришлет денег, потому что не ради этого ли ее и ждут там, в родном маленьком городишке, что больше всего смахивал на деревню?

Котэсса этим вечером, впрочем, так ничего и не сделала. Слабость наконец-то взяла верх, и она, выпив воды, легла на узкую неудобную кровать и провалилась в сон, не услышав даже, когда вернулась Кэтрин. Соседка-то оставалась на целое лето — богатая семья...

## Глава 4

Разумеется, Ойтко подтвердила, что ждала ее здесь. И, конечно же, по очень важному делу. Сначала она, конечно, удивилась, но, только-только слышав о помощи, защебетала, что да, да, именно Котэссы и не хватало для полного счастья и, разумеется, найдется огромное количество работы, которую она обязана выполнить сегодня. Ни минутой позже, ни минутой раньше — эту фразу Ойтко повторила вот уж сотый раз, и с каждой секундой Арко все больше и больше уверялась в том, что Литория на работе-то оказалась случайно и уж точно не ждала никакой помощи.

Женщина сгрудила у нее перед носом высоченные стопки личных дел студентов с заполненными образцами — и велела писать немедленно, сию секунду взяться за заполнение. Она, конечно же, должна была понимать, что с таким количеством работы Котэссе не справиться за день, но в ответ на замечание Литория утешила девушку: во времени она не ограничена и может приходить каждый день вот еще целых две недели, пока не начнется вступительная кампания.

Две недели! А ведь и эту-то ночь она провела в доме под флагом последней: тетка повторила, наверное, раз десять, что больше не желает видеть иждивенку у себя даже на пороге.

Да, говорила тетушка, да, она понимает, что Котэссе негде жить. Но ей, тетушке, надо развивать свой бизнес! У нее, в конце концов, родился внук, а внуку обязательно надо помочь. И младший сын наконец-то отыскал должную невесту, а невеста из богатого рода, надо продемонстрировать достаток семьи. Может быть, совсем скоро сын с супругой в этом доме и поселятся.

Что? Нет, Кэтрин может остаться, она-то платит деньги, а вот Тэссе пора и честь знать. Она вполне может занять комнату в общежитии, а вот нынче собиралась к родителям, так пусть и уезжает к ним. А если у нее нет возможности, если ей надо работать, пусть университет озаботится о том, чтобы ей было где жить. Что значит закрыто на лето? Если глупый, глупый НУМ не желает подумать о своих студентах, то почему же за него должна отдуваться она одна?

— Может быть, — косясь на гору дел, промолвила Котэсса, — я возьму часть домой? И отправлю вам волшебной почтой? Просто я планировала отправиться к себе в родной город сегодня вечером...

— Нет-нет-нет! Котэсса, милая, зачем отправляться домой? Я вполне осведомлена, — она махнула у девушки перед носом ее собственным личным делом, — о твоём семейном положении. Магически одаренной особе нечего находиться в этом отвратительном болоте, тебя же там попросту погубят!

— Но мои родители... — несмело возразила Арко. — Ведь я же...

— Родители! Сколько тебе лет, дитя мое? Тебе исполнился двадцать один год, ты хороша, ты прелестна — а мне известно, что тебя вполне могут насильно выдать за какого-нибудь глупца замуж! Я сама из глупинки, едва-едва сбежала, — Ойтко тяжело вздохнула. — И ни на секунду не пожалела, что проработала тогда в университете все лето. Между прочим, встретила своего будущего возлюбленного. А кого можно встретить в деревне? Неужели тебе хочется доить коз и коров, заниматься пастушьими делами, когда можно помочь родному университету? Ты талантливая девочка, зачем тебе к родителям!

— Повидать их впервые за год...

— Хорошие родители, которых стоит повидать, приехали бы сами! — отрезала Литория. — И если ты хочешь, чтобы мое мнение о тебе не испортилось, должна закончить работу, раз уж все равно вызвалась ее выполнять.

Котэсса пробовала было возразить, что она сама ни на что не вызывалась, что все это — вина одного-единственного человека, который самым наглым образом обманул ее, но кто бы стал слушать какую-то там студентку?

Поэтому, вытащив ручку, сотворенную, между прочим, самостоятельно, потому что на покупку у Котэссы ни за что не хватило бы денег, она поспешно заполняла одно дело за другим, справедливо полагая, что чем быстрее справится с работой, тем скорее сможет все-таки отправиться домой. Лучше ночевать непонятно где одиннадцать ночей, чем двенадцать — и этим прекрасным принципом нынче и планировала воспользоваться Тэсса.

...На десятом деле первой только группы у нее явно заныла рука. Казалось, запястье вот-вот расколется на несколько частей: ручка скользила уже неуверенно по привычно ровным строкам, почерк нагло портился, а буквы перед глазами принялись танцевать.

Одна из букв напоминала Сагрона — такая же горделивая, с таким же отвратительным характером. Котэссе хотелось зачеркнуть ее, зарисовать чернилами, чтобы никогда-никогда больше не видеть ничего подобного. Да и вообще дикая и бездумная пляска этих невообразимо тупых, пустых слов, обозначающих заковыристые названия предметов, вызвала страшное желание изорвать каждое личное дело, которое она заполняла.

Голова как-то странно кружилась. Вчера Котэсса не плакала, разумеется, когда тетка выставила ее за

дверь, — но ночевала-то она на улице, неужели заболела? Подхватить сейчас какую-нибудь заразу — хуже и не придумаешь! От этого у нее не появится какое-нибудь удачное и удобное жилье, а вот проблем станет только в разы больше. Куда тогда деваться? Где поселиться? У кого попросить приют?

Мысленно перебирая всех друзей и однокурсников, что жили в столице, Котэсса продолжала писать. Но с девушками в их группе она ведь почти не контактировала, а единственная знакомая с собственной квартирой двумя курсами старше, уже магистр, недавно вышла замуж и уж точно не пустит себе под крышу никого юного и привлекательнее обезьяны.

— Как идут дела, Тэсси?

Она подпрыгнула на месте. В последний раз подобным образом столь нагло ее имя сокращал только покойный дедушка, но ему-то как раз подобное позволялось, ведь он был родным и любимым человеком. Сейчас же мягкий мужской голос в условиях серого затхлого кабинета не сулил ничего хорошего.

— Кто вам дал право так ко мне обращаться? — возмутилась Котэсса, оборачиваясь и узрев-таки Сагрона, замершего по привычке у нее за спиной. — И что вы тут делаете?

— А почему нет? Почему нельзя? — любопытствовал мужчина, устраиваясь поудобнее на свободном стуле, стоявшем прямо рядом с нею.

— У вас отпуск.

— Отнюдь! — возразил он. — Никакого отпуска у меня нет, когда юная леди оказалась в плену бесконечных бумаг..

Котэсса вздохнула. Бесконечные бумаги были не самым отвратительным в ее жизни, если бы, конечно, не повлекли за собой целую гору других непри-

ятностей. Но делиться подобными новостями с Сагроном она, разумеется, не планировала — и сейчас смотрела на него до того спокойно и уравновешенно, что, если б не подрагивающий от нервного напряжения глаз, можно было подумать, что с девушкой за всю жизнь не случилось ну совершенно ничего плохого, а этот день вообще один из лучших.

— Я не думал, что Литория поручит тебе все это, — отметил Дэрри.

— Разве вас это волнует?

Сагрон тяжело вздохнул. Перед Котэссой ровненькими стопочками лежали личные дела всех студентов факультета — с первого по шестой курс, выпускной для магистратуры. Учитывая то, что в среднем каждый год ФБМИЗ — их факультет — выпускал больше двухсот студентов, работы здесь могло хватить не на две недели, а на целое лето.

— Я могу помочь, — предложил он.

— Морально? Спасибо, я в вашей поддержке сомнительного характера совершенно не нуждаюсь, — строго ответила Котэсса. — Не отвлекайте меня, пожалуйста. Прежде чем я все это закончу, я не должна...

Ее прервало собственное громкое чихание. Очередное проявление слабости! Ну что за ужас? Конечно же, насморк сам по себе не сулил ничего хорошего, особенно в сочетании с отсутствием жилья и возможности отправиться к родителям, но при Сагроне все обстояло еще хуже. Он мог вновь начать задавать какие-то крайне неуместные и лишние вопросы, мог докопаться до того, что исключительно для себя после величал бы истиной, а ее бы это попросту опозорило!

— Просто не мешайте, — повторила она, не бросаясь уже в пространные изъяснения.

\* \* \*

Подтверждая все гипотезы, что крутились у Дэрри в голове, Котэсса чихнула вновь.

Он окинул взглядом кабинет. Горы папок на столах, на полу, на подоконниках — да на бедную девочку скинули все, что только могли! Каждый год деканат, заполняя личные дела и индивидуальные планы, привлекал для этого студентов во время практики, но...

Но Сагрон не хотел отпускать Котэссу домой, а посему вручил ее прямо в загребушие ручонки доцента Ойтко, заместителя декана, еще и такой отвратительной, с любой точки зрения, женщины! И зачем он это сделал?

На глаза попалась сумка. Вспомнить ее было не так и трудно: магия, сверкавшая особенно ярко, указывала на владелицу, словно путеводный клубок. У Дэрри даже сомнений не возникло, что это вещи Котэссы, — зато причина, по которой она могла взять их сегодня с собой, совершенно не радовала.

— Тебе негде жить? — не удержавшись, спросил он. — Здесь работы не на один день, и это видно.

— Это не имеет значения, — сухо ответила Котэсса, в подтверждение собственных слов чихнув уже не раз, а трижды. Она тут же покраснела, словно стыдилась насморка, и, отвернувшись от Сагрона, принялась бормотать беспорядочные целительские заклинания, которые знала явно очень и очень слабо.

— Может быть, я могу чем-то помочь?

— Прекратить меня преследовать! — уверенно воскликнула Котэсса. — Я сама разберусь со всеми проблемами, причиной которых стали вы — или даже кто-то другой. А все остальное не имеет никакого значения.

Он нахмурился. Девушки вообще достаточно редко оказывали сопротивление, еще и такое яростное, когда он подходил знакомиться или даже предлагал отношения серьезнее, чем просто короткий поцелуй. Это дурацкое проклятие, привязавшее его к Котэссе, со стороны казалось таким безобидным, но...

Если уж взялся за то, чтобы избавиться от него окончательно и бесповоротно, то без проклинательницы не обойтись никак.

— Послушай, — Сагрон попытался улыбнуться, — если тебе действительно нужна какая-нибудь помощь...

Он не договорил. Котэсса бросила на мужчину такой пламенный, такой злой взгляд, что на мгновение даже захотелось упасть перед нею на колени и рассыпаться в бесконечных извинениях, хотя проклинала как раз она.

— Это вы послушайте. Я с вами... — она запнулась. — В общем, через год проклятие спадет, а вы навсегда забудете о том, что я существую.

Она вновь склонилась над очередным личным делом и сделала вид, что ничего, кроме тысячи папок, не видит.

Но Сагрон не мог заставить себя отвести взгляд от ее старой, застиранной сумки, набитой доверху вещами.

Он раскрыл первое попавшее под руки дело. Желая заполнить документ магически, коснулся пальцами бумаги — словно пытался заставить буквы проступить на ней, — но запоздало вспомнил, что индивидуальные планы студентов и иже с ними имеют к волшебству иммунитет, чтобы учащиеся не смогли изменить в них что угодно по собственному желанию. Новаторство министерства образования. Разумеется, там-то уж точно не могли придумать ничего хорошего!



Котэсса продолжала делать вид, будто бы совершенно не замечает его. Дэрри поднялся, понимая, что девушку ему не переубедить, в последний раз покосился на нее, словно жаждал удостовериться в обратном, и вышел из деканата. Конечно, можно было остаться и помочь, но если она не желает...

Вышел очень зря. В коридоре, напоминая нечто среднее между пуделем бойцовской породы и фурией из сводки Самых Опасных Волшебных Существ, стояла доцент Ойтко. Сагрон мысленно пожелал себе как минимум несколько раз провалиться под землю — но женщина уже успела его заметить, а теперь бодро отправилась коллеге навстречу, широко улыбаясь.

— Добрый день вам, доцент Дэрри! — заявила она. — Как приятно видеть вас во время отпуска на рабочем месте. Прежде я не замечала никакой страсти к работе, но вы, очевидно, решили исправиться.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Сагрон. — Мне все равно нечем заняться дома. А что, у вас есть очередная доза поручений?

Литория плотоядно усмехнулась. Поручения у нее были всегда, в любое время дня и ночи. Черноволосая, с чрезмерно кудрявыми волосами, вечно торчавшими вокруг ее головы, она напоминала излишне верную своему делу собаку, которая лает там, где не надо, но не может открыть пасть, когда кричать действительно пора.

Даже голос у Ойтко был такой: неприятный, с какими-то лекарскими нотками, когда она пыталась язвить, но вполне крикливый, когда надеялась просто напугать студентов.

И кому он отдал на растерзание бедную Котэссу?

— Ко мне в гости, — шипящим тоном, будто бы была змеей, начала Литория, — недавно явился один

из наших студентов. Заявил мне, что вы пытаетесь увести у него невесту. Приглашали ее на свидание...

Сагрон вздохнул. Студентов, ревнующих своих однокурсниц к преподавателям, особенно к преподавателям молодым и привлекательным, хватало всегда. Он, правда, поводы давал, но не сомневался, что девица на ровном месте уже успела придумать слишком много условностей и обещаний, которые никогда не сорвались бы с его губ.

Разве что Котэссе он мог бы нынче наобещать все что угодно.

— Увы, но к вам поступила неправдивая информация, — покачал головой Сагрон. — Я не соблазняю студентов, ну и уж точно не приглашаю их на свидания, если у меня нет, скажем, желания на них жениться.

— Да? В таком случае, — хмыкнула Ойтко, — вы должны были бы жениться на большинстве представительниц женского пола факультета.

— Разумеется, — согласился Сагрон. — Но мы не сошлись характерами.

— Не растлевайте молодежь, доцент! — сурово воскликнула она. — Зачем вы пришли?

— Я подумал... — он запнулся. — Что мог бы чем-нибудь помочь. К примеру, я слышал, что...

— Вы хотите заполнять индивидуальные планы?

Дэрри первым делом намеревался было отказать, но... Это подразумевало возможность находиться рядом с Котэссой — а значит, и шанс расположить ее к себе. Сагрон до конца не понимал, зачем ему вообще это нужно, но, в конце концов, от девушки многое зависело. Проклятие, к примеру.

Позавчерашнего разговора с головой хватило для того, чтобы убедиться в стойкости Котэссы и в том, что она выгонит его с огромным удовольствием, сто-

ит только передавить с настойчивостью. Сагрон к отказам не привык, может быть, потому Тэсса вызывала даже некий спортивный интерес...

К тому же это он виновен в том, что девушка осталась в городе. Виновен, но не мог сожалеть, что еще недели две ему не придется задумываться о том, где ее искать, если вдруг проклятие решит проявить себя с какой-нибудь новой веселой стороны.

А ведь сначала все казалось таким простым. Избавиться от ненавистного заклинания прежде, чем оно вообще успело себя продемонстрировать, и забыть о нем навсегда. Но Элеанор сказала правду: ни какого-нибудь волшебного противодействия, ни снадобья от этого проклятия не существует — потому что оно достаточно свежее, чтобы такое уже придумали.

А потом он явился к Котэссе и натолкнулся на радикальный отказ. Думал, что девушка сама с огромным удовольствием сбросит со своих плеч любую ответственность за содеянное — а она самым наглым способом сопротивлялась и явственно продемонстрировала, что не планирует сдаваться.

Дэрри вздохнул. Котэсса показала себя особой крайне принципиальной, и нельзя сказать, что это так уж расстраивало. Но не чувствовать себя виноватым за то, что девушка осталась без жилья, он не мог.

— Да, пожалуй, — согласился он с Ойтко, — я не откажусь заняться заполнением индивидуальных планов. Заодно помогу нашей старосте.

— Да? — оживилась женщина. — Надо же! Вы решили замолить свои грехи перед обществом?

— Возможно, — кивнул Сагрон. — Я пойду?

— Да-да... Постойте! — Литория перехватила его за руку, когда Дэрри попытался пройти мимо. — Дорогой мой, деканат находится в противоположной стороне.

Он вздохнул. Жажда избежать все-таки ненавистной работы была слишком сильной, но Сагрон послушно кивнул и повернул в указанную Ойтко сторону. Может, он и вправду, поработав, как-нибудь быстрее скоротает день.

А сколько тех дней в году? Совсем-совсем мало. Четыре с половиной (и маленьким хвостиком) двадцатки в каждом сезоне, четыре сезона... Ничего страшного. Проклятие как проклятие, Ролан наверняка совершенно прав, заявляя, что подобного рода проклятие — это далеко не самое страшное из всего арсенала, которым могла наградить Элеанор. Ну а может, она даже изобретет что-нибудь полезное. Что-то, что поможет избавиться от кары...

Следовало и вовсе отпустить Котэссу домой — сказать, что сам заполнит все индивидуальные планы, и точка.

Но все же, а вдруг способа никакого нет? Пусть уж она остается здесь: противодействие от проклятия всегда должно находиться рядом, даже если это противодействие является живым, полноценным человеком, пусть и абсолютно несогласным с подобным узурпированием своего личного пространства.

И... он помнил слова Элеанор.

Каждое нарушение продлевает проклятие еще на год. А кара за нарушение может становиться от раза к разу страшнее и страшнее. Испытывать же на себе все прелести наказания за измену девушке, которую он знал без году неделя, Сагрон не собирался. Это было по меньшей мере глупо.

Когда он вернулся в кабинет, все такой же серый, мрачный и заставленный светлыми папками, Котэсса старательно что-то писала и делала вид, что совершенно его не замечает. Дэрри занял стул, придвинул

к себе ближайшую стопку, наколдовал ручку — благо ему покупать это чудо инноваций не приходилось, магия работала отменно — и, раскрыв первую же папку, принялся заполнять бланк колонкой предметов. Оценки потом вписывал деканат; они, собственно, должны были сами заполнять весь индивидуальный план от начала и до конца, но, к сожалению, заниматься этим не любили, предпочитая призывать несчастных старост к подобной бесполезной работе.

Девушка делала вид, что его совершенно не замечает. Сагрон не настаивал; в этом сегодня не было никакого смысла. Может, и вправду оставить ее в покое?

Но Котэсса, неумело пытаясь излечиться магией, теперь не чихала, но вздрагивала ежеминутно и подпрыгивала на месте, руки у нее побелели, словно кровь отхлынула, а лицо, напротив, было красным-красным, словно она страдала от невыносимой жары, но не могла попросить отворить окно.

— А вы не знаете, — не выдержала она наконец-то, — принимает ли летом студентов общежитие?

— Нет, — пожал плечами Сагрон. — Не должно. А что?

— Не имеет значения. — Котэсса вновь склонилась над бумагами.

Для нее и вправду это было неважно. Она отправила родителям почти всю свою стипендию, потому что не смогла отправиться к ним сама и помочь, так что теперь даже об уплате за общежитие придется забыть. А что до съема какой-нибудь квартиры на лето, то об этом Арко даже и не думала, прекрасно понимая, что денег у нее на подобные выдумки нет, не было и никогда, скорее всего, не будет.

Ну ничего. Она найдет где-нибудь место.

...За окном громыхнуло. Дело приближалось к вечеру, а она все писала, не прерываясь даже на обед. Быстрее сделает — быстрее освободится от этого бесконечного, ненужного занятия, освободится от потребности находиться в университете. А Сагрон может делать все, что его душе угодно: хоть на голове стоять, хоть рыдать и падать на колени. Она просто не обратит внимания.

Ушла Котэсса поздно-поздно — Дэрри еще дописывал последнее дело из избранной стопки, а когда поднял голову, то девушки на месте больше не было. И сумки ее тоже.

Зато осталась Ойтко, словно искренний фанат учебы. Она лучезарно улыбнулась ему, вновь поправляя свои черные кудрявые волосы, находившиеся в беспорядке еще худшем, чем до манипуляций с прической.

— Что ж, — заявила она, — вы с Котэссой очень хорошо потрудились, готова половина первого курса, представляете! Еще немного — и можно будет переходить ко второму... Хорошо, что она пришла. У нас проверки, всегда получаем по голове за то, что планы не заполнены, а теперь вот у нас будет прекрасная, замечательнейшая возможность...

Сагрон вздохнул и кивнул. Хотелось спросить, куда именно отправилась Котэсса, — но откуда об этом было знать Литории?

— Я завтра вернусь, — промолвил он. — И продолжу работу.

Дела помогали отвлечься от мыслей о проклятии, а заодно и от страждущих дам, которые, несомненно, появятся у него на пороге совсем-совсем скоро. Об этом — о брошенной им безо всяких объяснений своей недовозлюбленной, в частности, — Сагрон тоже

предпочитал не думать. Лучше всего решать проблемы по мере их поступления — по крайней мере не будет так уж сильно болеть голова.

— Я буду с нетерпением вас ожидать. — Литория склонила голову набок, умиленно улыбаясь.

Она проводила его взглядом до выхода из деканата, а после принялась переключать какие-то стопки бумаг и бесконечных документов, всем своим видом показывая, что не самая слабая и сдаваться до следующего утра да уходить домой совершенно не намеревается.

## Глава 5

Сегодня обеденным перерывом Котэсса все-таки воспользовалась. Есть на деле ей было нечего, питаться полноценно не позволял излишне ограниченный бюджет, до первой летней стипендии оставалась еще почти целая двадцатка дней, но она старалась не думать об этом. И вместо того, чтобы облизываться на чужие блюда на чужих же столах, Котэсса взяла книги, которые не сдала в библиотеку (дочитанные вчера, пока она ютилась на лавочке в парке), и отправилась на самый верхний этаж главного корпуса НУМа — избавиться от этого груза, слишком большого, чтобы таскать его каждый день с собой в сумке. Заклинание облегчения уже истрепалось, и Котэсса пыталась его обновить, но получалось из рук вон плохо. Она всегда отвратительно колдовала, когда заболела, а ночи почему-то оставались холодными, вот болезнь и не прошла стороной. Надо лечиться, надо, в конце концов, спать в тепле и полноценно питаться, но на все это у Котэссы недоставало средств, а просить ей банально некого. Поэтому она лишь убедила себя в

том, что придумала все до единой проблемы, не чихает, не кашляет, а перед глазами у нее не плывет.

В университете было очень холодно. Прежде девушка на это особого внимания не обращала, но сейчас, когда налетели на столицу яростные летние грозы, неожиданно холодные и поливающие все в округе мерзкими, неприятными дождями, игнорировать озноб просто не могла.

Библиотекарша посмотрела на нее с удивлением. Покосилась на студенческое удостоверение, взяла в руки все пять книжек и вновь подозрительно уставилась на девушку.

— Неужто все прочла и усвоила? — спросила она. — Ты ж на лето это брала, прелесть моя. А лето только начинается!

— Да, — согласно кивнула Котэсса, — но у меня было несколько свободных дней, и я подумала, что в этом нет совершенно ничего зазорного...

— Да-да, конечно, деточка! — Библиотекарша прижала книги к груди, словно боялась, что их заберут обратно. Она с таким скрипом их отдавала, что теперь, когда ценные томики вовремя вернулись на родину, была просто вне себя от счастья. — Что-нибудь еще возьмешь? — Вот этот вопрос был задан весьма предупредительным тоном, таким, чтобы Котэсса сразу осознала: нет, никто ей ничего не предлагает, лучше просто уйти и не морочить никому голову. — Если бы ты, конечно, все так быстро отдавала, то это было бы замечательно, и я бы могла...

— Не стоит, — покачала головой она. — Спасибо, мне пока не нужны книги. Я приду к вам в учебном году.

Кажется, это заявление обрадовало библиотекаршу едва ли не больше, чем то, что девица принесла кни-